

Андрей Викторович Белов

Рассказы



Андрей Белов

Рассказы

«Издательские решения»

Белов А. В.

Рассказы / А. В. Белов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-4493-9295-4

Рассказы написаны автором в последние сложные для нашей страны годы. Рассказы посвящены человеческим судьбам, драмам современного общества, проблемам семьи и одиночества человека в обществе. Включены рассказы в жанрах юмора, истории, фантастики, мистики. Исторические рассказы основаны на документах и отображают версии автора жизни и смерти исторических личностей: Джордано Бруно, Рафаэль, Колумб. Рассказы объединяются чувствами человеколюбия и сопереживания автора к героям.

ISBN 978-5-4493-9295-4

© Белов А. В.
© Издательские решения

Содержание

Край ты мой любимый	6
Старик и мышь	6
Баня	11
Бегство в никуда	15
Вы умрете во сне	26
Горизонты. Шепот души	34
Последняя капля крови	36
Край ты мой любимый	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Рассказы

Андрей Викторович Белов

© Андрей Викторович Белов, 2019

ISBN 978-5-4493-9295-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Край ты мой любимый

Старик и мышь

Старик оторвал взгляд от листа бумаги и взглянул в окно. Поздняя осень. Ветер срывал с деревьев последние листья, отяжелевшие от морозящего дождя; они не перекатывались по земле, а тяжело ложились на те, что упали ранее, слой за слоем, становясь прошлым и памятью того, кто в этот миг, случайно оказался рядом с ними в этом забытом уголке и обратил на них свой взгляд.

В его жизни тоже была осень – не поздняя, но уже и не золотая. И так же, как листья, уходили в прошлые годы, оставляя лишь память о себе. «Сколько же раз я видел осень?» – подумал он и вспомнил, сколько ему лет и что осень – его любимое время года. Он старался не думать о возрасте; день, когда он родился, старик уже давно перестал выделять из повседневности.

Он снова склонился над листом бумаги и продолжил писать письмо.

«... ты много раз просила меня написать тебе хоть одно письмо, а ведь тогда, до расставания, мы виделись почти каждый день. Я знал, что ты просила всех своих любовников писать тебе письма, чтобы когда-нибудь потом, когда тебе уже некуда будет торопиться, перечитывать их, заполняя воспоминаниями одиночество и пустоту. Сейчас, спустя годы, я наконец пишу тебе это единственное письмо. Не обижайся, что пишу столь откровенно...»

Он отложил письмо и снова стал смотреть в окно, размышляя, есть ли у любви предел, можно ли исчерпать запас любви, отпущенный человеку, и почему, прожив целую жизнь, он так и остался одинок, недолюбил и так и не истратил душевные силы.

«Может, потому, что для меня главным было, чтобы я любил, и не имело значения, любят ли меня?»

Старик склонил голову, перечитал написанное, затем скомкал лист и бросил его в корзину для бумаг, которая была уже полна такими же скомканными письмами.

«Нет, совсем не то пишу. И зачем я пишу это письмо? Эпистолярный жанр никогда не был моим», – подумал старик, вышел на улицу и вытряхнул мусор из корзины.

Он постоял еще немного на улице, наедине с осенью, наслаждаясь тишиной. В поселке стали зажигаться огни. Домов, где люди остались на зиму, было совсем мало. В основном народ перебрался в город. Засветились окна в одном доме, во втором, в третьем. И эти редкие огни отодвигали одиночество дальше и дальше, наполняя душу покоем. Все уже было готово к долгой зиме. Впереди были долгие-долгие размышления, новые рассказы и книги, книги, книги...

Стемнело. Он почувствовал, что продрог, и вернулся в дом, снова сел за стол, взял уже исписанный наполовину лист бумаги и продолжил писать рассказ, начатый с неделю назад.

Неожиданно мелькнула какая-то тень на кухонном столе в углу комнаты. «Может, показалось?» – подумал он и продолжил работать. Тень мелькнула еще раз, и еще. Старик замер. Через минуту маленькая серенькая мышка выглянула из-за стола, боязливо оглянулась и, не заметив ничего угрожающего, начала суетливо бегать по столу в поисках каких-нибудь крошек или других остатков еды. Старик не шевелился. Первое, о чем он подумал, была мышеловка. Мышеловкой снабдила его дочь, с которой он редко виделся из-за натянутых отношений с бывшей женой (был такой грех в его жизни). Для него встреча с дочерью была праздником. Но, к его сожалению, этот праздник был только раз, два в году. Больше о нем никто не вспоминал, разве что звонили из редакции, чтобы сообщить, принят его очередной рассказ или надо что-то отредактировать. Иногда, редко, он уезжал в город по делам и каждый раз проговаривал про себя присказку, которой с детства научила его мать: «Газ, свет, вода», – чтобы не забыть

все выключить. Если была зима, то, когда старик возвращался, ему приходилось заново протапливать свой маленький домик.

Навещаая его, дочь наставляла держать дом в чистоте и напоминала, что, если увидит хоть одну мышь, – ноги ее в этом доме не будет. Старик не обижался и, отвернувшись так, чтобы она не увидела, ухмылялся, не веря угрозам дочери.

Тем временем мышь продолжала бегать по столу. Он снова принялся за работу. Поначалу, с каждым его движением, она убежала и пряталась, но вскоре, видя, что никто ей не угрожает, стала деловито осваивать свое новое хозяйство и только тогда, когда он брал сигарету и закуривал, или вставал, чтобы налить воды в стакан, снова пряталась.

«Пусть живет! Все не один. А так – живая душа, – подумал он. – Душа? – а есть ли вообще у них Душа?» Заинтересовался, стал просматривать книги. Получалось, что Душа-то есть, но не такая, как у людей, и «уходит» она вместе с «уходом» из жизни самого животного. «Ладно, пусть живет. Когда еще дочь приедет? А весной они уходят из домов...»

«Хозяйка!» – вспомнил он, как говорят о мыши в избе. – Ну, пусть и у меня будет «Хозяйка»; глазки-то у нее добрые».

Он заработался далеко за полночь, взглянул на часы – был уже третий час ночи. Сложил бумаги на столе и лег.

Перед сном он решил, как всегда, почитать из Евангелия. Нельзя сказать, что старик был набожным, но... возраст! – и его рука все чаще тянулась к этой Святой книге. Книга была еще и тем ему дорога, что подарена дочерью. Приобрела она ее в церкви. «Значит, освящена книга-то!» – не раз думал он.

Как всегда, раскрыл на первой попавшейся странице – «от Луки» – и углубился в чтение. Он так зачитался, что с усилием уже борол тягу ко сну. Вскоре услышал, как мышь что-то отчаянно грызет на газовой плите. «Видать, ничего не нашла на столе, вот и грызет что-то подгоревшее. Так ведь и не уснешь, – подумал он. – Что же для мыши купить? Они вроде крупы едят, а у меня осталось только полпакета риса». Продукты в доме заканчивались, и скоро надо было ехать в магазин на станцию железной дороги – ближе магазина не было.

Вдруг он услышал бумажный шорох. Быстро вскочил с кровати, бросился к ящику с продуктами, схватил пакет с остатками риса и заглянул внутрь. Белый рис был перемешан с черненькими следами присутствия мыши!

«Пропал рис! Завтра на станцию надо!» – мгновенно мелькнула мысль. В его планы это не входило: еще бы день, и тогда он поехал бы на станцию, чтобы отправить в редакцию заказное письмо с новым рассказом. Старик разозлился, схватил палку и стал высматривать мышь. Тут из-за стола выглянула мышь и удивленно спросила: «Дед, ты что?» Старик оторопело посмотрел на мышь, какое-то время так и смотрел на нее, не в силах сказать ни слова. Вдруг он почувствовал, что ноги его сильно мерзли, и увидел, что стоит посередине избы босой, с палкой в одной руке и с пакетом риса в другой. Заглянул в пакет – чисто.

– Тьфу ты! Задремал-таки! – проворчал он.

«Вот тебе и „Душа“, и „Все не один“, а чуть что – прибить готов был!» – подумал он и насыпал горстку риса на блюдечко.

Через день съездил на станцию, закупился продуктами – купил даже молока, коего он не употреблял.

Наступила зима. Так и жили они: днем старик занимался хозяйством, вечером садился за письменный стол. Под вечер (днем мышь редко появлялась) он насыпал ей какую-нибудь крупу, каждый раз чередуя их между собой, и наливал в малюсенькое блюдечко молоко, хотя ни разу не видел, чтобы она его пила. Однажды старик даже положил на блюдечко вареную крупу – кашу, но мышь ее есть не стала, да и старик, не слыша ночью, как она грызет что-нибудь, никак не смог бы уснуть: привык ощущать ее присутствие. Когда мышь пропадала день-другой, он начинал волноваться. «Заболела или, может, вообще ушла в другую избу?» –

думал он, ворочаясь по ночам. Работать за письменным столом в таких случаях он не мог: мысли путались и были какие-то мрачные.

Лишь раз мышь проявила явное беспокойство и металась по всей комнате, недовольно попискивая и подергивая хвостиком.

Старик долго ломал голову: что не так? И ничего не смог придумать, кроме того, что накануне, когда он ездил на станцию, в магазине не оказалось его любимых сигарет, и он купил сигареты другой марки, которые никогда не курил прежде. Он съездил в дальний поселок, где тоже был магазин, и купил те, которые курил обычно. Приехав домой, первым делом проветрил избу и уж затем закурил.

Мышь, подождав, пока изба снова прогреется и наполнится новым запахом, выбежала на середину комнаты, повертела мордочкой, принялась и довольная разлеглась посередине комнаты лапками кверху, медленно вдыхая и выдыхая воздух. Старик успокоился, развалился на стуле и тихо курил одну сигарету за другой. «Угадал! Привыкла, значит, к этому дыму!» – думал он.

Были и ссоры – в какой семье без них?

Однажды он заметил, что мышь залезла в сковородку, и, разлившись, вдруг быстро накрыл сковороду стеклянной крышкой. Мышь в панике металась внутри около часа, пока дед не выпустил ее. После этого случая мышь не показывалась несколько дней.

Старик очень скучал. «Сам виноват. Следить надо за своей посудой, а не наказывать неразумное дитя природы. Да, сам виноват!» – выговаривал он себе. Через некоторое время, когда лег спать, ворочаясь и не находя, как бы удобнее лечь, услышал звук, который сразу успокоил его: мышь что-то грызла на кухонном столе. Он улыбнулся, повернулся на бок и сразу же заснул, продолжая улыбаться во сне. Проснувшись, съездил на станцию и купил для мыши сыр, чтобы окончательно примириться.

Были и казусы. Как-то он нашел на табуретке рядом с кроватью обгрызенную таблетку снотворного и лежавшую рядом мышь, которая, как казалось старику, даже посапывала. Он соорудил из тряпок кроватку, положил туда мышь и накрыл ее тряпочкой, как одеяльцем. Только через три дня та очнулась и быстро убежала под стол.

В другой раз он купил корм для котят (другого корма для животных в продаже в тот день не было, да и не знал старик, взрослая у него мышь или нет; решил, что «для котят» и взрослой не навредит); уж очень ему понравилась фраза, написанная на коробке: «Шерсть у ваших питомцев будет шелковистая и пушистая». А тут еще и продавщица агитировала, что, мол, «с запахом мышей». «То, что надо», – решил он. Гордый и довольный – сюрприз, мол – приехал домой, насыпал корм в блюдечко и стал ждать. Вскоре появилась и мышь. Да-а-а! – шерсть и впрямь стала пушистой, но только потому, что встала дыбом. Мышь в панике бросилась бежать; так и не успел старик понять, стала ли шерсть шелковистой! Больше мышь к этому блюду не подходила, даже когда старик его прокипятит. Позже он так и не смог представить себе, как же выглядит мышь с шелковистой и пушистой шерстью.

Да мало ли что было – всего и не упомнишь.

Шло время. Раньше именно ночью он чувствовал себя старым и одиноким. Теперь же он спал днем, а работал по ночам; мышь на соседнем столе занималась своими делами. Настольная лампа освещала только небольшую часть письменного стола, оставляя комнату в полумраке.

В январе он попал в районную больницу – сердце; очень жалел, что не взял с собой Евангелие. Часто вспоминал и про мышь: «Как там она? Изба то промерзнет!»

Вернулся в поселок только в конце февраля. Он шел от трассы по проселочной дороге и с радостью вдыхал воздух, пропахший лесом, чистым снегом и дымком от изб. Он слышал родные звуки: щебетание птиц, лай собак, где-то кололи дрова. По всему чувствовалось: скоро весна. Вошел в свой дом, огляделся. Тарелочка, куда он насыпал перед отъездом крупы, была пуста; по всей комнате были видны следы от мыши. «Все обшарила, Хозяюшка! – подумал

старик. – Видно, туго ей пришлось тут без меня!» Старик принялся за уборку, проклиная свою болезнь, а заодно и все болезни на свете.

Вечером (больница снова вернула его к дневному образу жизни), как и раньше, решил почитать из Евангелия, сунул руку под подушку и вытащил Святую книгу. Он оторопело смотрел на книгу несколько минут и не мог вымолвить ни слова, даже никакой мысли не появлялось в голове, только смешанное чувство удивления и... брезгливости, как будто кто-то обокрал или унизил его: книга была обгрызена по краям! Сердце снова дало о себе знать; рука потянулась к лекарству. Он вспомнил, что стопка газет, лежащая в сарае с давних времен, тоже вся давно обгрызена.

«Ну что же, ведь мог бы и вспомнить, что в голодные для мышей зимы те грызут все: мыло, свечи, клей, бумагу...» – рассуждал старик, но подавленность не оставляла его. Раздался звонок телефона – пришло сообщение: «Приеду завтра. Встречай. Дочь». Нитроглицерин выпал из руки на пол.

«Дочь! Евангелие!» – закрутилось у него в голове. Затем повернулся на бок и от бессилия тяжело заснул.

Проснувшись, он еще полежал немного с закрытыми глазами, затем решительно встал с кровати, нашел в шкафу мышеловку. Мышеловка была большая, раз в пять больше мышки. Он взвел мышеловку, положил в нее кусочек хлеба и пошел к столу: он хорошо знал основную дорожку, по которой бегала мышка. Но только он подошел к столу, чтобы установить мышеловку, как та вылезла на стол и встала на задние лапки. Так они стояли друг напротив друга и смотрели – глаза в глаза. Слов им было не надо, они все понимали. Казалось, оба осознавали безвыходность сложившейся ситуации и думали о судьбе, о несправедливости и об одиночестве, без которого никак не может существовать этот мир.

Вдруг старик почувствовал, как что-то обожгло его пальцы. Мгновение – и он понял, что захлопнулась мышеловка, которую он держал в опущенной вниз левой руке и сжал неосторожно. Он продолжал неподвижно стоять, преодолевая боль. Из глаз его текли слезы, и он не мог понять, от чего: от боли, от жалости к мышке или к самому себе. Он готов был поклясться, что видел, как и у мышки тоже потекли слезы. Старик освободил пальцы из мышеловки и со злостью швырнул ее в сторону.

Они еще постояли в тишине друг напротив друга некоторое время. Старик, вспоминая позже, уверял, что они мысленно перебросились парой слов:

– Ты за книгу-то прости. А что, скоро приезжает?

– Завтра!

Мышь медленно повернулась и уползла за стол, на прощание еще раз обернувшись.

«Может, хоть осенью, как похолодает, вернется?» – грустно подумал старик.

Когда на следующий день дочь вошла в дом, то сразу заметила на столе тарелку с горкой риса.

– Что, рис перебираешь?

– Да нет, мышкой подкармливаю, – ответил старик.

– Шутник, – рассмеялась дочь.

– Пап, ты не обижайся, я проездом, всего на одну ночь: путевка у нас с мамой на курорт, – вдруг выпалила скороговоркой дочь – видать, долго думала, как отцу это сообщить. – Ты не обидишься?

– Ну что ты, дочка, конечно, поезжай; я и сам в свое время много по стране поездил – дело хорошее, – сказал убежденно старик, а с левого боку то защемило, ой как защемило!

Весело и беззаботно отзвенела весна птичьими свадьбами; степенно и с достоинством отшумело лето разнотравьем; созрел и был убран урожай всего, что родить могло; снова

настало межсезонье: нет-нет да и затянет морось на весь день, а то вдруг набежит промозглый ветерок, норовя залезть под одежду. Снова с грустью смотришь на последние падающие листья – поздняя осень. И думаешь, что прошел еще один год.

Серое небо. Старик стоял у крыльца. А вдруг раздастся столь родной писк и мелькнет знакомый серенький комочек?..

Баня

Рыжик лизнул в лицо еще раз, и Тимофей с трудом открыл глаза: сильнейшая простуда. Одно радовало: не дошло до воспаления легких. Хорошо, друг довез на машине до дома. «И это после бани! Далась она мне, эта баня, век ее не видать, – думал лежа Тимофей. – Но ведь хотелось прогуляться в выходной, да и приятное другу сделать, уж так тот гордился, что новая она у него, только что построенная». Рыжик вертелся по комнате, нетерпеливо повиливая хвостиком, и то и дело подбегал к окну и глядел на улицу. «Не было печали... Придется пока соседку просить выгуливать его». Хотя-я-я?.. – в этом был и определенный плюс: Люся давно нравилась Тимофею, но как-то все не было случая зайти к ней, поговорить. Она тоже жила одна: муж уже несколько лет как в экспедиции пропал – только ключья рюкзака и нашли через месяц, как исчез. То ли с медведем на тропе не разошелся, то ли еще что случилось с ним, а уж затем зверье растащило все по косточкам – кто ж теперь знает? В общем, пропал мужик неведомо как, а жаль: знал его Тимофей, и семья их ему нравилась: они душа в душу жили. Может, оттого и не решался заговорить с Люсей после того, как она овдовела?

Тимофей с трудом натянул халат, вышел на лестничную клетку и позвонил в соседнюю дверь. Люся открыла не сразу, слышно было, что сначала посмотрела в «глазок».

– Тимофей Алексеевич! Да на вас лица нет, заболели? – ахнула соседка.

Халатик на ней не был застегнут на две верхних и одну нижнюю пуговицы, и Тимофей сразу же обратил внимание на высокую красивую грудь и пухленькие стройные ножки.

– Да, приболел слегка, а тут собачкой обзавелся... – виновато произнес он.

– Да не волнуйтесь вы, схожу погуляю с ней, и вечером схожу, а вы мне списочек напишите, что купить да приготовить, а нет... так лежите, сама соображу и вечером после работы все сделаю, – скороговоркой выпалила Люся. Видно, соскучилась женская душа по мужскому вниманию.

Тимофей вернулся в свою квартиру, лег в кровать, закрыл глаза, и вновь в памяти стала возникать картина, как обессиленный стоял он на дороге один, около единственного фонаря, посреди какой-то заснеженной и заброшенной деревни; его тряс сильный озноб. В избах не светило ни одного окна. Он стоял и смотрел на схему, которую дал ему его друг Максим.

«Здесь всего-то километров 6—7 от шоссе; из автобуса выйдешь, – и он назвал остановку, – и направо, прямо по дороге, ведущей в лес. Дорога будет накатана машинами – за час с небольшим дойдешь, только сворачивай точно, как на схеме, а то уйдешь невесть куда, а здесь полно заброшенных поселков и деревень. Ну а если что – звони», – сказал друг.

Собственно, приглашение было на завтра, на утро, но Тимофей сюрпризом решил прийти накануне вечером и поэтому не звонил до последнего, пока надежда дойти еще была у него. В свое время он много ездил по стране; не редко приходилось бывать в тайге, и он не сомневался, что найдет нужный поселок и дом, а потому самонадеянно поздно выехал из дома и даже не заволновался, когда, выйдя из электрички, заметил, что уже смеркается.

Ему уже давно стало понятно, что он заблудился: наверное, свернул где-то неправильно, не на ту дорогу, а поворотов было несколько, и уже решительно замерзал, проплутав полночи: не чувствовал ни рук, ни ног. Дорога была наезжена машинами, и только поэтому Тимофей свернул на нее. Ни одной машины не проехало мимо него с тех пор, как он начал путь от шоссе, и сейчас, глубокой ночью, не стоило и надеяться, что кто-то проедет мимо.

Как-то неожиданно, из-за печной трубы, стоявшей на крыше ближайшей избы, выглянула чуть не полная луна, и Тимофей смог разглядеть все вокруг. Деревня была небольшая – изб 10—12, не больше. Видно было, что когда-то дорога огибала всю деревню вдоль околицы. Позже за ненадобностью дорога выпрямила изгиб и напрямую уходила через поле. Собственно,

к самой дороге примыкало только три избы, остальные оказались в стороне, и дойти до них по не топтаному снегу было трудно.

Мысли у Тимофея в голове путались: «В какую сторону идти дальше? Вперед? – но, сколько километров, и где сворачивать? назад? – но ночью, выйдя из этой деревни, найду ли среди леса те самые повороты, чтобы выйти на шоссе, или прежде замерзну совсем?»

Наконец-то он решил позвонить. Трясущимися в ознобе руками он достал из-за пазухи телефон и тупо, какое-то время, смотрел на него – связи не было. Он успокоил себя тем, что даже если бы связь и была, он не смог бы замерзшими пальцами набрать номер, а вот рукавицу он вряд ли бы снова натянул на руку.

«Надо что-то предпринимать. Неужели вот так просто можно погибнуть всего-то в нескольких километрах от шоссе, а еще обиднее – от новой бани, где пар прогревал бы сейчас не молодые, но еще и не старые его косточки, – подумал и грустно усмехнулся Тимофей. – И ведь искать не пойдут: ждут только завтра. Да, надо было выезжать раньше! Простая безалаберность, расчет на „авось“ вот так просто могут привести к беде, будь ты в глухой тайге или где-то рядом с городом. Да еще оделся хотя и тепло, но не для зимней ночи на открытом месте».

Одинокий фонарь казался ему большой удачей: все-таки свет поддержал его психологически – пусть чуть-чуть, но тоска отпустила, и он, взяв себя в руки, стал размышлять: «Придется походить по заброшенным избам и поискать, где бы пристроиться до утра».

Однако холод и усталость брали свое. Тимофей прислонился спиной к фонарному столбу и стал оседать на снег: ноги уже не держали его, мысли уходили куда-то прочь, и все закрывалось пеленой. Он видел, как в детстве, маленький, он играет с котом и как тот смешно пытается поймать веревочку, как он ложится спать и мама поправляет на нем одеяло, чтобы он не замерз ночью и не простудился. А еще он увидел цветущее летнее поле; почувствовал в жарком воздухе пряный запах трав и цветов. Тимофей очнулся: показалось, что становится теплее, мелькнула мысль: «Замерзаю?..». Он попытался открыть глаза. Так и не понимая, открыл их или нет, он увидел звездное небо, оно красиво и торжественно было перечеркнуто млечным путем, как наградной лентой, повязанной через плечо.

От холода трясло все тело; хотелось свернуться «клубочком». «Точно, замерзаю. Вот под этим прекрасным небом, перечеркнутым млечным путем, и замерзаю. Красиво! Через день-два будет полнолуние. Как же хорошо жить!» – подумал Тимофей.

Неожиданно невдалеке раздался слабый и жалостливый собачий вой.

«Надо идти на вой, – встрепенулся Тимофей, – вдруг да и встречу людей». Он несколько раз пытался встать на ноги, но получалось лишь перекатиться с одного бока на другой. Наконец ему удалось сначала перевернуться на живот, затем подтянуть под себя ноги и, упершись руками, встать на четвереньки. Он понял, что это его предел: встать на ноги он не сможет. И он пошел на четвереньках туда, откуда раздавался вой.

Чем дальше Тимофей отползал на четвереньках от фонаря, тем вокруг становилось все темней: облака стали закрывать луну. В конце концов Тимофей уже с трудом различал все вокруг. У третьего от фонаря дома, в открытой калитке стояла рыженькая собачка. «Жучка», – первое, что почему-то пришло Тимофею в голову. Порода собачонки была самая обычная для бездомных собак – дворняга. Он только не мог понять: то ли она так промерзла и трясется, что кажется будто раздваивается, то ли двоилось оттого, что он сам дрожит так, что в глазах все двоится, то ли двоилось оттого, что трясутся оба. Иногда Жучка виделась четко, и Тимофей подумал: «В унисон дрожим, колебания совпали... Да что это я? Какой же бред в голову лезет». Изба оказалась, как и калитка, незапертой. В дальней комнате он заметил кучу тряпья, сваленную в углу. Тимофей лег на тряпки; до рассвета было еще часа четыре. «Может, дотяну?» – подумал он и зарылся поглубже в тряпье. Собачонка тут же зарылась рядом и прижалась к животу Тимофея. «Пусть, так теплее. Кто бы еще спину погрел...» – подумал он

и закрыл глаза». Едва они чуть согрелись, собака подняла морду и взвыла на всю округу. «Спи», – вяло, в полудреме проворчал Тимофей и тут же заснул.

Снилось ему, как бежит он, смеясь, по тому самому полю с пряным запахом, а отец с мамой стараются поймать его, тоже смеясь. Ловят и не могут поймать. Все они счастливы: впереди целая жизнь, и им хорошо. Потом он видит отца, что-то пишущего за письменным столом. Доктор наук – шутка ли?! Таким и запомнился отец Тимофеем на всю жизнь – за письменным столом. Затем он увидел себя, сидящего на кровати сначала сестры, а потом и мамы, и держащего их руки в своей руке до последнего их вздоха. А потом ничего не снилось, все было наполнено только чувством жуткой боли в сердце и непрерывно возвращающейся мыслью: «Вот я и остался один, и остается только смириться с болью всех утрат и пронести эту боль в своей душе через всю оставшуюся жизнь».

Проснулся он оттого, что кто-то лизнул его в лицо; было тепло и уютно, только жутко пахло псиной, и невозможно было пошевелить ни рукой, ни ногой. Он открыл глаза и увидел, что лежит в своре собак – штук 12—15; все они прижались к нему со всех сторон, а он – посередине, и вся стая смотрит в окно. Занимался рассвет. «Похоже, меня приняли в стаю! Что принесет нам новый день? Что ждет нас впереди? – думал Тимофей, тоже глядя в окно и уже не отделяя свою судьбу от собачьих судеб. – Тепло, уют и конец собачьей жизни, или еще – и не один – день лишений, заброшенности, голода, стужи и борьбы за выживание?»

Придя окончательно в себя, Тимофей сел на пол и гладил каждую собаку; они в свою очередь старались лизнуть его руки, в лицо; слезы неумолимо текли из глаз Тимофея, но он не успевал смахивать их рукой.

Когда окончательно рассвело, он встал, отряхнулся и пошел дальше искать деревню своего друга. Теперь, по свету, нужный ему дом отыскался быстро: в соседней деревне, что километрах в 2-х от места его ночевки. За ним семенила целая свора собак, весело поваливая хвостиками.

Здесь дорожки их судеб разошлись. Тимофея увели в теплую избу, а перед сворой калитку закрыли – огромный кобель на цепи тихо и угрожающе зарычал.

Собак снова ждал холод, бескормица и тряпье в углу одной из комнат заброшенной избы.

Свора повернула назад; не раздалось ни единого звука: они уже смирились с тем, что у них нет и не будет дома, и поняли, что хозяина и на этот раз не будет. Поначалу они шли медленно, постоянно оглядываясь назад, но вскоре вся свора побежала быстрее, больше не оглядываясь. Жизнь принималась такой, какая она есть... – сермяжной и суровой в своем безразличии к чужой судьбе.

Позже Максим, сидя на верхней полке парилки и выслушивая уж в который раз рассказ Тимофея о той ночи, рассказал: «Эту стаю боится вся округа, и никто не решается ходить через ту заброшенную деревню, разве что на машинах проезжают. В той деревне как-то заглох мотор у машины нашего председателя; выйти из машины, чтобы мотор посмотреть, он испугался: свора расселась вокруг машины, злобно рыча. Так он три часа в машине сидел, пока мужики с ружьями не подъехали. Хорошо, что лето было, а то замерз бы насмерть. Все эту стаю собак так и называют – Свора».

Тимофей лежал на нижней полке: на верхнюю ему было нельзя. Ему вообще баня была противопоказана: давление с некоторых пор начало шалить. А шел сюда, чтобы просто повидать друга. Не заметил как, задремал. Снилось ему, что он на четвереньках бредет со всей стаей собак куда-то по бесконечному заснеженному полю, куда глаза глядят, да и те мешает широко открыт ледящий и пронизывающий ветер навстречу, а впереди, кроме белого снега, – ничего, как ничего хорошего в их судьбе – никаких надежд...

«Так получается, что они тебе жизнь спасли? А я ведь их даже не покормил. А как покормишь? – потом ведь не уйдут, так и будут около калитки сидеть!» – задумчиво сказал Максим.

Тимофей очнулся, как только Максим умолк, посмотрел в маленькое окошко баньки – вечер, день клонился к ночи. «Наверное, начало холодать», – подумал он и задумчиво сказал: Да!.. Собачья доля!..

На следующий день Тимофей сильно заболел после всех приключений, и баня не помогла. Максим решил отвезти его домой на своей машине. Ехали через ту самую – заброшенную – деревню. Тимофей попросил остановить машину. «Не выходи, ни за что не выходи», – закричал Максим. Но было поздно: Тимофей решительно открыл дверь, вышел и, шатаясь от болезни, стоял в трех шагах от машины. Свора неслась прямо на него – Максим, сидя за рулем, зажмурил глаза.

Но собаки встретили Тимофея, как старого знакомого: радостно виляли хвостами, прыгали на него, стараясь опять лизнуть в лицо. Он присел и со счастливым лицом гладил их всех по очереди, трепал за холку. Они вместе победили смерть и теперь были, как родные – они все были как одна свора! Максим, глядя на эту идиллию, тоже попытался приоткрыть дверь машины, но собаки злобно зарычали, и он быстро захлопнул дверь обратно.

– Поехали, пора, – прокричал он другу в приоткрытое окно.

– Сейчас, иду, – отозвался Тимофей.

Когда машина вновь тронулась с места, Тимофей, чувствуя слабость, лег на заднее сиденье и вдруг обнаружил под сиденьем ту самую рыжую собачонку!

«Ну что же, значит, судьба ей со мной быть – пусть так и будет! – подумал он. – А звать его буду Рыжик».

Через полчаса с улицы вернулась Люся с Рыжиком. Тимофей открыл дверь, они втроем вошли в квартиру, остановились в дверях и смотрели друг на друга... Вдруг Рыжик медленно повернулся и ушел в комнату, оставив в прихожей Тимофея с Люсей одних...

Но!.. – это уже другая – человеческая – судьба и другой рассказ...

Бегство в никуда

Краски осени, так ярко рассыпавшиеся по средней полосе России, только-только бесшумно сверкали разноцветьем, умиротворяли мысли, чувства, эмоции, настраивая на размышления, вызывая легкую необъяснимую грусть и ностальгию по ушедшему в прошлое – в нашу память – лету, – эти краски тоже ушли в прошлое.

Пришел ноябрь – загадочный и задумчивый месяц года, месяц невесомости в мыслях и неопределенности в желаниях. Думать о прошедших солнечных и теплых днях уже бессмысленно, они далеко, а думать о приближающихся холодах не хочется. Так и живешь в этом состоянии, не задумываясь ни о чем, и незаметно одеваешься все теплее и теплее.

С ноябрем пришло и ненастье. Тучи, своей серостью все чаще и чаще закрывали небо – иногда на время, иногда на весь день и всю ночь, и мелкий холодный дождь накрывал город со всеми его обитателями. Кто-то сидел дома и смотрел на ноябрь из окна теплой квартиры, кто-то прятался, где придется, проклиная межсезонье, а заодно – и весь мир. Иногда, если ночь была ясная, звездное небо отражалось на тонкой пленке льда, покрывающей городские лужи, хрустящей под ногами позднего и случайного прохожего, кутающегося в застегнутую на все пуговицы одежду и торопящегося в уют и тепло. Все предупреждало о том, что скоро наступит зима.

Когда-то его звали Николай, Николай Сергеевич; называли также папой, мужем, квартиросъемщиком, соседом, гражданином... Но все это в прошлом. Теперь он никто – бродяга без имени и фамилии, без паспорта и семьи, без друзей и работы, без жилья и карточки медицинского страхования. Нигде не учтенный, он вроде как и не существовал для общества, и общество вспоминало о таких, как он, случайно, встречая их на улицах, в подземных переходах, у входа в продуктовые магазины, обращая на них внимание, только почувствовав отвратительный запах, идущий от них, и видя их спитые лица, заплывшие от водки и с узкими щелочками глаз из-за постоянных синяков, полученных в пьяных и бессмысленных драках, причины которых они и сами-то толком объяснить не могли. Водка! – и все этим сказано. Прохожие ужасались несколько мгновений, но, уже отойдя пять-десять шагов, забывали о них до следующей случайной встречи.

И все-таки они существовали реально, а не были какими-то миражами-фантомами, и даже занимали свою четко определенную социальную нишу: бомжи – люди без определенного места жительства. И заметь, уважаемый читатель: не бродяги, не нищие, не отребья, не сброд... а короткое и простое, не режущее слух и похожее на кличку собаки «бомж»!

Хотя свое настоящее имя он уже давно никому не называл (а может, и сам уже забыл его), мы все-таки будем называть его Николаем, как звали его когда-то родная матушка и родной батюшка, веря, что именно это имя он пронесет через всю свою жизнь и с ним же и упокоится где-нибудь рядом с их могилами.

Николай проснулся оттого, что левый бок совсем заоченел – грело только справа. Он с трудом открыл глаза – они приоткрылись совсем чуть-чуть: боль не давала раскрыть их шире. «Вчера ведь болел только левый глаз, – подумал он, закрыл глаза снова. – Оно и понятно: левый уже несколько дней как заплыл большим синяком. Ну а правый-то почему болит?» Николай стал вспоминать вчерашний вечер и понял, что все произошло, когда опять же делили водку. С кем? Этого он вспомнить не мог, да ему это было и не нужно, ведь каждый день или вечер происходило одно и то же: как всегда, если за день не добыл достаточно денег, то приходилось объединяться с такими же бродягами, как и он, чтобы наскрести на бутылку. А потом

разговоры ни о чем, пьяные разборки с незнакомыми собутыльниками... В общем, как всегда. У Николая не было постоянной компании, он бродяжничал один.

«Да ладно, что мне, рожу с фото в паспорте сличать, что ли? Так ведь нет его у меня, паспорта-то», – успокоил себя Николай и вспомнил, как года три-четыре назад отдал его какому-то барыге за две бутылки самогонки. Самогонка оказалась дрянь, но деваться было некуда, и о паспорте он не жалел.

Николай опять с трудом открыл глаза. Вокруг был полумрак; он лежал на цементном полу, прижавшись к теплой трубе. Как он попал сюда, он не помнил. Тусклый свет в эту небольшую нишу поступал сверху, скорее всего, от ближайшего уличного фонаря. Была еще ночь. С краев канализационного люка не срывались вниз капли воды, и он подумал: «Подморозило».

Неожиданно что-то зашуршало, и откуда-то из темноты вылезла крыса, таща в зубах кусок засохшей колбасы в фирменной обертке. Николай пошарил рукой по карману куртки – крыса замерла на месте – и со злостью подумал: «Вот гадина, утащила-таки, пока я спал». Он вспомнил, что нашел эту колбасу в каком-то мусорном контейнере, и был уверен, что уж завтрак-то у него есть и с утра можно будет не торопиться обходить помойки.

Шорох раздался вновь, и Николай увидел, как крыса начала расправляться с колбасой прямо у него перед носом, не более как в полуметре от его лица. Он пошевелился, но крыса даже не обратила на него внимания. «Странно, почему крысы не убегают при виде таких бродяг, как я? Наверное, и они по запаху, который идет от нас, понимают, что людьми нас считать нельзя, – подумал Николай и заключил философски, – может, они и правы». Он стал медленно подвигать левую руку к колбасе. Крыса перестала есть и, подняв морду, внимательно следила за рукой. Взгляды их встретились, они оба замерли, не мигая. Взгляд у крысы был злой, холодный, уверенный в своем превосходстве и полный решимости отстаивать то, что она считала своим. Несколько секунд они смотрели в глаза друг другу, и, наконец, Николай сдался и стал медленно, чтобы не подтолкнуть крысу к нападению, подтягивать руку обратно к себе. Снова раздалось шуршание обертки – крыса продолжила расправляться с куском колбасы, больше уже не обращая внимания на непрошеного гостя, залезшего случайно именно в этот дорожный люк.

Николай готов был поклясться, что перед тем как снова начать есть колбасу, крыса подмигнула ему и улыбнулась, и даже – но в этом уже Николай не был уверен – вроде бы захихикала. «Тьфу ты, неужто белая горячка начинается», – он встряхнул головой, оглянулся и, убедившись, что ничего другого необычного он не видит, успокоился. Он признал себя здесь чужаком – признал превосходство хозяйки подземных лабиринтов города. Затем, повернувшись, стал греть у трубы другой, замерзший бок, сразу же забыв и о крысе, и о колбасе.

Белой горячки у Николая еще не было ни разу, но он видел ее в приюте, где по глупости попробовал жить: он видел, как мужик метался по комнате, постоянно стряхивая с себя что-то, что видел только он. Это было зрелище не для слабонервных. Из приюта Николай ушел, прожив там всего два дня: постоянный контроль со стороны персонала был для него невыносим. Не пить, не материться, поддерживать чистоту и порядок... – это никак не сочеталось с его пониманием свободы, а свобода для бродяги – самое главное. Ею он оправдывает свой образ жизни. Свобода от любого контроля со стороны других, который воспринимается как насилие над личностью. И даже гарантированные сытость и ночлег не стоят этой «свободы».

Поворачиваясь на другой бок, он случайно посмотрел вверх. Канализационный люк над ним не был закрыт, и он увидел в проеме открытого люка чистое небо, полное звезд. Полностью в этом круге не умещалось ни одно из известных ему созвездий, и от этого небо представлялось незнакомым, но не чужим. Глядя на него, бродяга ощущал себя маленьким, но неотъемлемым кусочком вселенной, он чувствовал единство со всем Миром, пусть даже тот был совершенно равнодушен к его существованию. Увиденное потрясло бомжа и заморозило: он еще никогда не видел круглого ночного звездного неба. Николай лежал и смотрел на это незнакомое чудо;

чувство тоски медленно, но все сильнее и сильнее стало сжимать его грудь; комок подступил к горлу, сразу перехватило дыхание, и слезы потекли по щекам – он плакал, как плачет порой ребенок, не способный понять и объяснить свое горе. Горе! – и все в этом слове! Он вспомнил дом, семью, детей. Вспомнил маму. Вспомнил, как начал пить, как его затягивало в это болото все глубже и глубже; вспомнил, как после очередного запоя, продолжавшегося неизвестно с кем, где и сколько времени, он очнулся уже другим человеком, и в другом городе... Жизнь стремительно покатила на самое дно.

«Вот так бы лежать и лежать всю жизнь, и смотреть на это непорочное небо, будто и не бывает в жизни голода, холода; будто нет тошнотворного запаха от одежды и тела; как будто нет помоек, свалок и, главное, нет в мире водки, – думал Николай. – Хотя нет! Насчет водки это уж перебор: выпить-то все-таки тянет – пусть водка останется. Надо только пить в меру», – не веря в это, думал он.

Водка! – это и была ежедневная цель его жизни. Не удалось достать водки – пойдет алкоголь в любом его виде. Да! – ежедневная цель. Поиск денег на алкоголь наполнял смыслом каждый новый день, а далее он и не задумывался. Вечер и ночь, водка и ночлег – вот и все будущее. Водка очищала душу от всего плохого, что произошло за день, и в результате в душе оставалась только пустота, пусть и ненадолго, пока не очнешься от пьяного забытья на следующий день, – пустота, позволяющая до следующей пьянки не задумываться о своей жизни и не оправдывать себя, а видеть во всем естественный ход событий и естественный образ жизни.

Шуршание прекратилось, наступила полная тишина – тишина и небо... и звезды в круге люка. На душе было хорошо и спокойно... а про себя он все-таки подумал: «Наверное, уже всю колбасу сожрала, сволочь!» Но в обиде на крысу он не был.

«Сегодня повезло ей, завтра повезет мне», – только и сказал он себе.

Наконец он опять задремал. Ему снился огромный окорок, висящий на крюке и качающийся из стороны в сторону. Когда окорок приближался к стене, крыса отталкивала его лапой, таким образом раскачивая его и не давая ему остановиться. Почему-то остановить его руками было нельзя, и Николай пытался откусить от него на ходу и каждый раз промахивался. Сильно пахло плесенью и грязными заношенными носками.

Разозлившись, Николай попытался схватить окорок руками, но тот сразу же исчез, и чей-то голос сверху произнес:

– Эй, слышь, мужик! Вылезай – нам работать надо!

Он открыл глаза и в круге света над собой увидел три головы, смотревшие на него. Головы были в рабочих касках. Небо было светлое, звезд не было.

«Утро», – догадался он.

– Давай просыпайся, очухивайся быстрее и вылезай: прораб скоро подойти может, а нам еще ждать, пока там проветрится после тебя!

Николай спросонок неуклюже, да и нехотя, полез вверх к люку, деловито отметив про себя, что одежда на нем полностью высохла за ночь у теплой трубы. В тот момент, когда он уже вылезал на поверхность, трое рабочих, зажимая носы, отпрянули от люка.

– Мужики, ради Бога, дайте закурить, – жалобно произнес он и остался стоять у люка, всем своим видом показывая, что иначе он не уйдет.

– Ладно, – сказал остальным двум тот, что держал инструмент, – иначе от него не отделаешься, – и протянул бродяге пачку дешевых сигарет.

– Вот спасибо, – Николай взял пачку, долго неуклюже выуживал из нее сигарету непослушными и заскорузлыми пальцами и подал обратно пачку рабочему.

Тот протянул было руку за сигаретами, но тут же, сморщившись, брезгливо отдернул ее и произнес:

– Бери все.

Раздался хохот тех двоих, которые наблюдали, стоя в стороне.

Николай перешагнул через низкий заборчик, огораживающий в целях безопасности открытый проем люка от прохожих, и пошел не спеша по улице в сторону ближайшего супермаркета: именно там время от времени выбрасывали просроченные продукты. Проходя мимо палатки, торгующей выпечкой, он заглянул в стоящую рядом с палаткой урну, нашел недоеденный пирожок с сосиской и сразу же съел его. Оказалось мало, в животе все равно урчало, и Николай использовал давно опробованный способ, как убедить продавщицу дать ему хоть что-нибудь: он молча встал рядом с прилавком, якобы разглядывая витрину. Очередь у палатки мгновенно исчезла: все разошлись, затыкая носы. Для продавщицы это было не в новинку, и она сразу же дала бродяге что-то из выпечки – то, что было побольше размером, но дешевле по цене.

Дойдя до супермаркета, он обогнул здание – там были мусорные контейнеры – и увидел, как мусоровоз опрокидывал в свой кузов уже последний из них. Опешив, бомж машинально вцепился в этот контейнер и заорал:

– Стой!

Шофер выглянул из кабины и, глядя на бродягу, повертел пальцем у виска, после чего произнес тираду, которая в переводе на русский литературный язык означала примерно следующее: «Отойди! Не мешай работать!»

«Опоздал!.. А может, магазин сегодня пока еще ничего просроченного и не выбрасывал», – пытался подбодрить себя Николай и стал обходить городские помойки.

«Поздно разбудили, черти», – ворчал он про себя на тех троих, в рабочих касках. Везде уже кто-то побывал после того, как люди, идя на работу, по пути выбрасывали мусор. Только в одном мусорном контейнере рылись двое бродяг, что-то вытаскивая и сразу же запихивая это «что-то» в рот.

Николай осторожно подошел ближе и поздоровался. Реакция тех двух последовала незамедлительно, и он, прихрамывая, с трудом смог убежать, получив всего-то один-два удара ногой, успев разглядеть, что одним из двух бомжей была женщина.

Идя по улице, он заглядывал во все урны, но ни алюминиевых банок, ни бутылок так и не нашел. Николай знал в городе все пункты приема вторсырья.

Захотелось курить, и тут он сразу же пожалел, что нагло не спросил у тех работяг еще и зажигалку. Пришлось идти до ближайшей остановки автобуса и подобрать первый же брошенный непотушенный окурочок. Наконец-то закурив, Николай подумал о том, что вообще-то он уже не был голоден и рыскать по мусорным бакам всего города целый день желания сегодня у него не было, и он решил заняться добыванием денег – попрошайничеством, чтобы вечером было на что купить водки. Почему-то он был уверен, что сегодня ему повезет, и спустился в ближайший подземный переход.

На кусочке картона он написал: «Подайте бездомному на водку». Он знал, что такая правдивая надпись при его спившемся виде была самой выигрышной: мужчины, прочитав эту просьбу, улыбаясь, бросали в банку, стоящую перед бродягой, мелочь. Николай сразу же убирал из банки деньги и прятал в одежде, оставляя лишь немного, как он говорил, «на развод». Женщины проходили мимо него быстро, как правило, опустив взгляд и прижимаясь к противоположной стене перехода. Старушки смотрели на него с болью во взгляде и нередко клали рядом с ним хлеб, яблоко или конфету. Часто в их взгляде можно было увидеть навернувшиеся слезы. Наверное, они думали о том, что раньше такого и быть не могло: ни войны, ни бедствия какого не было, руки-ноги на месте, костылей рядом с ним нет, а сидит мужчина и просит милостыню. Хотя бедствие все-таки было... – исчезла целая страна, огромная, могучая, исчезла в одночасье, но люди-то – люди, остались!

Прошли трое молодых людей в форме курсантов полицейского училища. Проходя мимо Николая, один из них вроде как невзначай задел банку с мелочью, и деньги раскатились по полу подземного перехода. Курсант весело сказал, обращаясь к двум другим:

– Смотрите-ка, каждый день здесь проходим, а этого первый раз вижу. Пусть понагибается, косточки разомнет, а то, наверное, засиделся бедолага, так вот и разминочка – фитнес, так сказать, – и все трое дружно захохотали.

Николай бросился собирать мелочь, ползая по полу на четвереньках. Вдруг он почувствовал сильный пинок в зад, упал вперед, сильно ударившись о каменный пол перехода носом и лбом, и сразу же услышал все тот же, до боли в сердце знакомый хохот, злорадный, и в тоже время холодный и безразличный – мимо проходила компания подростков.

Подростков Николай боялся больше кого-либо. Он знал по рассказам других бомжей случаи, когда выпившие подростки забивали бродяг до смерти. Сам он тоже как-то пострадал от «детешек», но чудом проезжавшая мимо полицейская машина спасла его: увидев ее, подростки разбежались. Полицейские вышли из машины, но, разглядев в пострадавшем бомжа, сразу уехали: никто из «стражей порядка» не хотел подхватить вшей или другую какую заразу, и Николай остался лежать на том же месте, где и били.

Позже отлеживался у какой-то бабки-алкоголички, случайно проходившей мимо него. Пообещал, что, как отлежится, будет ей каждый день приносить маленькую бутылку водки. Сломанные ребра заживали медленно, но через неделю, как только смог чуть передвигаться, ушел от бабки и больше уже туда не возвращался. «А может, это и не бабка была, может, и совсем не старая, – вспоминая позже этот случай, думал Николай. – Но алкоголички – они все на одно лицо».

Впредь, завидев издали группу подростков, сразу же либо переходил на другую сторону улицы, либо шел к остановке наземного транспорта, если там стояли люди в ожидании автобуса, троллейбуса или трамвая. Больше уж он не попадал на встречу с подростками в безлюдном и темном месте – Бог миловал.

Собрав с пола деньги, он сел, опершись спиной о стенку, вытер рукавом кровь на покаябанном лице и стал вспоминать, что как-то раз он пробовал сожительствовать с женщиной-бродягой: она показала заброшенный подвал, где можно было кое-как устроить свой быт и ночлег, но, увидев в тот же вечер при первой же попойке, какой неуправляемой она становится, когда выпьет, наврал, что пошел купить еще водки, и больше туда не возвращался. В дальнейшем попыток сожительствовать он не делал. Он даже не помнил, как ее звали.

Самые «выгодные клиенты» были те, кто подходил спрашивать, как он дошел до такой жизни, что потерял человеческий облик. Эти подавали больше, и не мелочью, а бумажными. Такие встречались не так уж и редко – надо было только подождать. Николаю некуда было спешить, и он тихо сидел у стены подземного перехода и ждал своего «клиента».

Это был первый попавшийся на его пути подземный переход, и ему повезло, что попрошак в переходе не было. «Хорошее место, – подумал он, – рядом несколько остановок автобусов и троллейбусов». Поток прохожих не убывал. Николай понимал, что был и большой риск сидеть в этом месте, поскольку все хорошие места в городе, выгодные для попрошайничества, поделены криминалом, и выпрашивать деньги у прохожих разрешалось только «своим» за определенную плату в день.

«Ну да Бог не выдаст, свинья не съест», – сказал себе Николай. Уж очень ему хотелось сегодня отдохнуть и «срубить» деньги влегкую.

Наконец, часа через два, проходивший мимо мужчина – по одежде и... да по всему видно, что не с копеечной зарплатой – остановился напротив него и стал внимательно, как бы что-то вспоминая, вглядываться в попрошайку.

«Деньги сами в руки идут», – подумал Николай и приготовился к разговору.

Наконец прохожий положил перед бомжом мелкую денежную купюру и спросил бродягу: – Удачный день?

– Какое там! Одну мелочь бросают, – поддержал разговор Николай, пряча купюру в карман.

– Ну, на хлеб хватит, – продолжал прохожий.

– Я ведь не на хлеб, а на водку прошу, гражданин, – ответил Николай. – Так и написал, читайте: «Подайте бездомному на водку!»

– Значит, сыт, что ли? – обращаясь сразу на «ты», спросил прохожий.

– Да, вроде того, – весело и дружелюбно, заискивая перед прохожим, сказал бомж.

– Звать-то как? – не отставал мужчина.

– Да зовите, как нравится: можете Иваном, а можете Петром.

– Ну, ладно, а по отчеству-то как?

– Сергеевич, – ответил Николай.

– А бездомный почему, Сергеевич? – спросил прохожий. – И вообще, как ты до такой жизни-то дошел?

– Да если бы «дошел», а то ведь довели! – сказал Николай, изобразив на лице, как ему казалось, жалобную гримасу.

Бродяга был готов к этому вопросу и стал не спеша рассказывать свою историю:

– Как СССР рухнул, так институт, где я старшим научным сотрудником работал, закрылся. Всех работников уволили. Побегал-побегал в поисках работы – не нашел: везде сокращение штата. А семью кормить надо! Кем только не работал: и продавцом на рынке, и грузчиком, и в фирмах разных курьером – на побегушках, значит. Было дело: тянули в криминал – не поддался. А денег все равно только-только хватало концы с концами свести. Занялся извозом, таксовал, значит. Машину чужую вдребезги разбил – сам чудом жив остался. Отлежал в травматологии три месяца, вышел, а владелец машины мне счет предъявил. Сумма большая: машина еще не старая была, да прибавил «за моральный ущерб». Еще и «на счетчик поставил» – каждый месяц сумма увеличивалась. Начал продавать все из квартиры: сначала книги, затем уж и вещи, и мебель в распродажу пошла. Наконец понял, что ни за что мне не расплатиться. Я уже весь в долгах, а тут как-то звонок в дверь, открываю – агент по недвижимости оказался. Приятной наружности, вежливый такой. Говорит, что у них есть выгодное предложение для меня: покупатель есть на трехкомнатную квартиру именно в этом районе и в этом доме. И этаж ему подходит, и планировка квартиры, и, самое главное, согласен хорошие деньги заплатить. И с долгами, мол, расплатитесь, и тоже трехкомнатную, только в другом районе, подальше от центра, купите. Много позже, вспоминая, думал я: «Как это он про долги-то узнал?» А тогда-то я согласился, выбора у меня не было – продавать квартиру надо было. Больше денег ниоткуда я не мог взять. Через два дня подписал договор купли-продажи: свою продавал, а другую покупал. Прочитал ведь дважды внимательно, а уж затем в сумку спрятал. Прихожу домой, достаю из сумки договор, смотрю, а это не договор, а дарственная...

Рассказывая, Николай так увлекся, что не замечал, как его собеседник еле сдерживается от смеха. В конце концов прохожий все-таки расхохотался и проговорил:

– Слышь, Коль, ну ты и мастер врать! Ты тут будешь еще целый час жалиться, а я тороплюсь. Приглядись внимательно. Узнаешь? Сергей я. Мы же с одного двора с тобой. И в школе в одном классе учились. Теперь-то я понял, что именно тебя не раз видел на улицах и у магазинов, но только со спины – потому-то и не мог узнать раньше. Ну? Вспомнил меня?

Николай вдруг как прозрел: то-то прохожий кого-то напоминал ему, но вот кого, вспомнить он никак не мог. Наконец, вспомнив, он опустил глаза и замолчал.

– Столько лет прошло, как ты исчез, а Люся – имя жены-то не забыл? – до сих пор ищет тебя, запросы разные рассылает.

Помолчали немного, вспоминая родной город и прошлую жизнь.

– Ладно, – сказал Сергей, – не об этом сейчас речь, да и тороплюсь я. Итак, кратко: захочешь на ноги встать и жить по-человечески – помогу. Ты, насколько я помню, монтажником работал, а мне на строительном объекте монтажники во как нужны, – и он провел ладонью поперек шеи. – Телефона у тебя, конечно, нет, и в контору тебя с таким видом не пустят – это

уж точно. – Сергей на мгновение задумался и продолжил, медленно растягивая слова, на ходу обдумывая, как быть в этом случае:

– Значится, так: придешь завтра ко входу в контору, – он назвал адрес. – Знаешь, где это находится?

– Знаю: трехэтажное здание голубого цвета на самом углу улицы, там еще рядом супермаркет, – ответил Николай, машинально подумав: «Может, уже „просрочку“ выкинули?»

– Хорошо! – продолжил Сергей. – Так вот, придешь к девяти часам утра и стой в сторонке от входа. Я как раз к этому времени подойду, тогда и скажу, куда идти тебе, чтобы отмыться и в порядок себя привести. Затем снова ко мне в офис – я до восьми вечера работаю. Покажешь на проходной мою визитку... Подожди-ка, а паспорт у тебя есть?

– Нет, – Николай опять опустил глаза.

– Понятно. Тогда скажешь, чтобы охранник с проходной позвонил мне. Я на визитке напишу ему, – и он, достав из кармана пиджака визитку, что-то быстро приписал на ней и протянул ее Николаю. – Думай и приходи! Будем решать твой вопрос и, думаю, поправим твою судьбу. А сейчас поешь хоть по-человечески, много не пей: завтра встреча – может быть, это будет «твой день», – добавил он, положив перед бомжом крупную купюру, и быстрым шагом направился к выходу из подземного перехода, но на ходу обернулся и добавил:

– Ну а если что случится, то приходи в другой день.

Николай продолжал сидеть, прислонившись к стенке, и, не замечая прохожих и брошенную ими мелочь, неотрывно смотрел на купюру. Деньги для него были большие – таких он и в руках никогда не держал. Сначала хотел было подсчитать, сколько же бутылок можно купить на них, но сразу же отбросил эту мысль, так как по опыту знал, что, независимо от суммы, хватит их только на одну пьянку с такими же бродягами, как он, и что, начавшись сегодня, пьянка эта закончится тогда, когда закончатся деньги. Понятие «завтрашний день» для него и для других бомжей не существовало.

И все-таки он пошел посмотреть, где работает Сергей. Собрав всю поданную мелочь и бережно спрятав ее в одежде, вышел из перехода и направился к «голубому» зданию. Рядом действительно был тот самый супермаркет, который он проходил утром. Обошел его сзади и заглянул в мусорные баки магазина и к своей радости нашел два копченых окорочка в вакуумной упаковке, положил их в полиэтиленовый пакет, найденный тут же, и пошел к конторе.

Николай долго стоял недалеко от конторы, представляя себя то в собственном кабинете за письменном столом, то в рабочей спецухе монтажника на стройке.

«И так каждый день – от и до, по восемь часов!» – подумал он.

Достав визитку, он прочитал: «Сергей Петрович Н., управляющий кампанией такой-то».

Идти к бомжам было еще рано; он хорошо знал их «распорядок» – где и когда они собираются. Можно было выпить сегодня и одному, но, если была возможность пообщаться, всегда решал вопрос в пользу общения, тем более что у него в кармане лежат деньги на всю компанию и было что сегодня им рассказать и обсудить.

«Общение отличает человека от животного», – вспомнил он где-то услышанную фразу.

Николай оглянулся вокруг. Невдалеке находился скверик. Все скамейки были заняты, но его это не смутило, и он сел на уголок ближайшей. Молодая парочка сразу же встала и ушла. Еще и освободились две ближайшие скамейки. Он сунул руку в карман, пощупал спрятанную купюру, убедился, что она на месте. Потом достал Серегину визитку и снова стал внимательно разглядывать ее.

«Ключок бумаги – и совсем другая жизнь! Вернуться? А стоит ли она того?» – подумал Николай и задремал. Ему снилось, как всходило звездное небо. Четкая полоса горизонта, поднимаясь из-за домов, разделяла небо на дневное и ночное. Постепенно все небо стало ночным. Справа, напротив Большой Медведицы, он увидел созвездие в виде куриного окорочка. Два созвездия располагались на небе симметрично, и если провести линии от их крайних двух

звезд, то линии пересекались на том месте, где должна была находиться Полярная звезда, но там располагалась денежная купюра, точно такая же, как та, которую сегодня дал ему Сергей: так же был загнут уголок бумажки и так же чуть надорванная посередине – на сгибе. Он видел себя в робе монтажника, и его рука в рабочей рукавице тянулась к деньгам. Николай, как ни старался, подпрыгивая, никак не мог их достать. Наконец, приземляясь после очередного прыжка, он упал на левый бок и услышал: «Здесь нельзя валяться, поищи другое место», – Николай очнулся. Он действительно лежал на левом боку на скамейке, и перед ним стоял охранник конторы, поигрывая дубинкой.

– Да пошла она, эта купюра!.. – сказал бродяга.

– Что-о-о? – напрягся охранник.

– Дед в пальто! – огрызнулся бомж и пошел по улице куда глаза глядят.

Он шел, сосредоточенно смотря себе под ноги и не замечая ту жизнь, которая суется вокруг. Мысли сами лезли в голову:

«Восемь часов!.. От и до!.. И так всю жизнь до копеечной, можно сказать, нищенской пенсии: с утра и вечером толкаться в транспорте; переходить улицу только на зеленый свет светофора; предъявлять паспорт, когда потребует полицейский, оправдываясь, что, мол, торопился на работу, потому и перебежал на красный; везде стоять в очереди: в магазинах, на остановке автобуса, в окошко кассы за зарплатой; в общаге вести себя тихо, поддерживать чистоту и соблюдать правила общего проживания; говорить по утрам «здравствуйте» и по вечерам «до свидания»; постоянно встречаться и общаться с одними и теми же людьми. А ведь ни бригадира, ни прораба не «пошлешь», будь они хоть трижды не правы: уволят. Родня понаедет, будут звать обратно в семью. И везде под приглядом, везде контроль и везде ты кому-то чем-то обязан, и перед кем-то отчитываться должен. А если я не хочу, например, сегодня работать, а хочу перевернуться на другой бок и продолжать спать? – нельзя. Если я не хочу общаться, а хочу быть один. Когда мне понадобится компания, я легко найду ее, и пить, и общаться мы будем столько, сколько водки хватит – может, всю ночь, а может, и больше. И ведь ради чего работать-то? Чтобы поесть и одеться? Так я и так сыт всегда: помойки, свалки, просроченные продукты, подавания как нищему, социальные столовые, да и церковь с разными организациями устраивают благотворительные обеды. И не только сыт каждый день, но и выпить ежедневно есть на что: сбор и сдача цветных металлов, макулатуры, стеклобоя в пункты приема вторсырья, еще и подавания за счет попрошайничества. Одежда? Да я ее никогда и не стираю, а меняю на другую: люди сейчас побогаче стали и столько ее – этой одежды – выбрасывают, что даже выбираю, что надеть. Кстати, и выброшенных книг сейчас на помойках немерено – читай сколько душе угодно, даже классику. Народ-то сейчас, как увидит, что в СССР издано, так и Толстого с Достоевским на помойку несет. Ночлег? – подвалы, заброшенные или под снос дома, теплотрассы, незапертые подъезды... Любой теплый угол зимой, а летом и на свежем воздухе полезно спать. Машина, отпуск? Так куда ехать-то? А отдыхать я и так отдыхаю, когда хочу. Развлекаловка? – всякие театры, аквапарки и прочее – так водка все заменит...

Проходя мимо железнодорожного вокзала, Николай обратил внимание на часы и подумал: «Бомжи уже собираются в известном месте для встречи», – и свернул на следующем перекрестке.

Собралось человек шесть. По начавшимся разговорам Николай понял, что день у всех, кто пришел, – остальные будут подтягиваться со временем – был не из удачных, и вынул из кармана Серегину купюру.

– На сколько? – спросил маленький юркий бомж в почти новых красных ботинках, с хитрющими, хоть и пропитыми глазами, и который добровольно – так уж повелось – взял на себя обязанность бегать в магазин.

– На все! – ответил Николай.

– Гуляем, мужики! – радостно произнес тот.

Для них самих они были просто «мужики». Тем не менее среди них был и профессор, и литературный критик, и филолог, и монтажник... – и все это в прошлом. Они никогда о нем не говорили, впрочем, как и о будущем, и о приближающейся зиме. Каждый из них знал тех, кого унесла предыдущая зима – унесла навсегда в страну полной и вечной свободы. Но в щелочках полуоткрытых глаз каждого все-таки светилась слабая надежда пережить ближайшую зиму.

Николай очнулся в той же самой нише, где видел, как крыса съела его колбасу. Он сразу узнал это место, где испытал чувство необъяснимого блаженства, увидев звездное небо. Над ним был тот же канализационный люк. Небо было затянуто облаками. Сколько прошло времени с того, как начали пить с бомжами и как он оказался в том же самом месте? Этого он не знал и даже не старался вспомнить: его это не интересовало. Знакомая уже крыса появилась из темноты и стала обнюхивать все вокруг. Николай достал из кармана оставшийся окорочок и положил его перед крысой. Та деловито обнюхала его и принялась грызть вакуумную упаковку. Бомж смотрел на крысу, и слезы текли по его щекам...

Крыса уже давно все съела и ушла восвояси, а Николай все смотрел и смотрел вверх; небо над ним было закрыто серой мглой. Холодные редкие капли спадали с краев люка.

Он вспомнил ту ночь и то звездное небо в открытом люке...

«И все-таки самое главное в этой жизни – ни от кого и ни от чего не зависеть, вот как те звезды», – подумал он, достал грязную уже и скомканную визитку, вспомнил слова Сергея: «Ну а если что случится, то приходи в другой день», – и... – разорвал визитку на мелкие-мелкие части.

«Свобода дороже!» – успела мелькнуть мысль, и, успокоенный, он крепко заснул у теплой трубы теплотрассы.

Ему снились звезды, и он улыбался во сне.

Прошел ноябрь, промчалась и зима с ее вьюгами, холодами и оттепелями, гололедом и слякотью... – уж такова была прошедшая зима. Наступила весна.

Сергей шел по тому самому подземному переходу, и неожиданно в его памяти всплыл Николай: его неуверенная походка с широко расставленными ногами, будто земля под ним качалась; обвисшая одежда, всегда на размер-два больше, чем надо; чуть сторбленная спина, наклоненная вниз; голова со спущенным на лицо капюшоном то ли длинной куртки, то ли плаща, как у монаха; он как будто что-то постоянно искал, в надежде найти то, что другие потеряли, или то, что никому не нужно, кроме него.

«Его не было видно целую зиму, и даже сейчас, весной, когда потеплело и бомжи снова попадались на глаза все чаще и чаще, его одинокая и скорбная фигура нигде не мелькала. Именно после зимы чаще всего исчезают одни примелькавшиеся за теплый сезон опухшие лица и появляются другие. Не зря у них есть поверье: «До травки дожил, значит, доживешь и до первого снега», – думал про себя Сергей.

Выйдя из подземного перехода, он не пошел к остановке троллейбуса, а повернул налево к маленькому скверу около продуктового магазина. Там на скамейке сидели трое бомжей, молча греясь на солнышке, явно скучая от безденежья.

Сергей подошел к ним и молча положил на скамейку купюру, которой вполне хватало на покупку бутылки водки. Они сразу же оживились, подвинулись и предложили незнакомцу присесть рядом с ними на скамейку.

– Садись, уважаемый, садись. В ногах правды нет, – предложил тот, что был самый старший из них – или самый спитой, – понять было невозможно. – Чем обязаны?

Сергей объяснил, как мог, кто его интересуется. Они долго перебирали в памяти тех, кого знали, и кто сейчас где.

– Знаю! – вдруг вскочил тот, что был в красных сильно потертых ботинках. – Он еще, когда при деньгах оказывался, всегда говорил: «Гуляем на все!»

– А! Так это Колька-отшельник. Помните? Он всегда в одиночку бродяжничал, – начал вспоминать «старший». – Через это, можно сказать, и сгинул.

Сергей удивленно посмотрел на «старшего», и тот продолжил:

– Как-то выпили мы сильно – Колька с большими деньгами пришел: раскрутил какого-то очередного «клиента» на попрошайничестве, рассказав ему жалостливую историю своей жизни – в этом он был мастер! А было это в ноябре прошлого года. Говорили ему, чтоб оставался с нами ночевать: мы тогда «теплый угол» нашли. А он ни в какую: не хочу, мол, в куче спать, сам поищу себе место для ночлега. Наутро нашли его замерзшего недалеко от вокзала.

– А фамилию его не знаете? – спросил я.

– Нет. Он и имя-то свое никогда не называл, я по случаю узнал, – ответил старший.

– Ну хоть число-то какое было?

Старший поднапрягся и вспомнил:

– 25-е ноября – верно говорю, в субботу это было. Мы как раз в ту субботу ходили на благотворительный обед: попы кормили, настоящий плов давали, и мяса в нем много было – такое трудно забыть.

В ближайшее воскресенье Сергей поехал на кладбище, где городские власти выделили удаленный участок для захоронения неопознанных. Холмики, холмики и лес табличек. Долго там искал табличку с нужной датой. Нашел. На табличке имен не было – было пять номеров, дата «25 ноября» и год – значит, захоронение общее. С такой датой была только одна могила. Постоял, закурил и подумал: «А ведь только этими словами „пьем на все“ ты и запомнился друзьям, точнее, собутыльникам. Иначе не найти бы мне ни за что твоей могилы. И это все, что осталось от тебя в памяти людей?»

Глядя вокруг, Сергей не мог избавиться от ощущения вечного ненастья, грусти и серости – ощущения вечного ноября. Он достал из кармана авторучку, задумался: «Нет, сотрется быстро», – вынул ключ от квартиры, нацарапал на табличке православный крест, а внизу – «Николай». Повернулся и медленно, будто прощаясь, пошел по аллее к выходу из этого скорбного места. Он возвращался в тот мир, где была весна, где светило солнце, где влюблялись и были любимыми.

Уже у ворот кладбища Сергей, ни к кому не обращаясь, спросил:

– Человек – это звучит гордо? – и добавил:

– Но ведь это был твой выбор, Николай! А нужна ли такая свобода?

В том самом ноябре, 25-го числа, когда Николай проходил ночью по площади железнодорожного вокзала, голова у него вдруг закружилась, он упал на асфальт, поскользнувшись на льду замерзшей лужи, ударился головой и потерял сознание. Очнувшись, он с трудом, на руках, отполз за привокзальную торговую палатку – ноги почему-то его не слушались – и лег на спину, чтобы отдышаться и прийти в себя. Мимо торопились прохожие, неся чемоданы и баулы, толкая перед собой коляски и ведя за руку плачущих малышей. Все куда-то спешили: кто на свой поезд, кто кого-то встречать или провожать. От удара головой он не мог понять, где он, кто он и что с ним. Вскоре почувствовал, что тело его замерзает. Его бил сильный озноб. Он попробовал кричать и понял, что язык не слушается его и позвать на помощь он не сможет.

Николай оставался лежать на спине за привокзальной палаткой и смотрел вверх на звездное небо. Через некоторое время он почувствовал, что начал согреваться: тепло, возникшее в голове, плавными волнами спускалось вниз, но только до пояса. В голове не было ни одной мысли, и только звездное небо, которое было над ним, что-то смутно ему напоминало. Жизнь покидала его тело, а душа открывалась навстречу звездам – навстречу бесконечной свободе.

А ведь небо было совсем рядом: оно отражалось на льду лужи, рядом с которой лежал Николай.

Последнее, что он подумал: «Звезды! Примите меня в Ваше безмолвное царство СВОБОДЫ!»

Вы умрете во сне

- Вы умрете во сне, – сказала кардиолог.
- Пойдите, пойдите, почему?.. Как – «во сне»?.. – заикаясь, выговорил Тимофей Николаевич, снимая с себя электроды.
- Впрочем, обо всем по порядку.

Тимофей Николаевич лежал на правой от окна койке, отвернувшись к стене. Он лег в кардиологическое отделение этой больницы по настоянию друзей, с которыми общался только по переписке, поскольку жил постоянно в удаленном от города поселке. Выезжать из поселка он не любил: давно пронеслись бурные годы безумств молодости, хотелось покоя, уединения, да и писалось здесь легко. В городе он не мог сосредоточиться: мешала городская суета, не хватало тишины и воздуха. Да! Воздуха! В городе он страдал одышкой, а из-за шума не мог уснуть, приходилось принимать снотворное. Да и нечего ему было делать в городе: писалось плохо – можно сказать, совсем не писалось, дети разлетелись по стране, с женой он был в разводе, по врачам он ходить не любил, а на то, чтобы встретиться с теми, с кем ему необходимо было встретиться, уходил день-другой, не больше.

Он всегда с грустью покидал свой поселок, который с годами стал для него родным. Этот поселок строился, когда ему было еще только лет пять.

Все здесь было для Тимофея Николаевича родным и дорогим сердцу: дом, книги на книжных полках, шкафы, привезенные от дальних родственников, копии известных картин, написанные друзьями отца...

«А вот это крыльцо... Родители долго решали, каким ему быть, и все рисовали в тетрадке в клеточку разные варианты, – вспоминал Тимофей Николаевич. – Все делалось как-то весело, дружно: люди ценили то малое, что имели, и радовались жизни».

За много лет рука ни разу не поднялась что-либо изменить на участке. Только летний дом отремонтировал, когда уж никого из семьи не осталось – стоит как новенький, хотя лет ему почти как самому Тимофею Николаевичу. Да на дорожки положил плитку – по-современному, но ни одного поворота и изгиба не изменил: оставил все, как и было раньше.

С годами поднапрягся и поставил себе на старость маленький и теплый домик в углу участка. С тех пор и зимой и летом живет в поселке и, конечно, продолжает писать. Писал, как говорят, «для себя», но и публиковался тоже. Когда пишешь – пишешь для себя, но закончишь рассказ, и становится вроде обидно класть его в стол. Пусть читают, ему есть что рассказать: много поездил и повидал на своем веку. А век его был не таким уж и малым: помнил, как маленький играл он с дедом, да и любил он деда, который еще в Первую мировую войну воевал. На всю жизнь запомнил его рассказ, который про себя озаглавил: «А ведь вас могло и не быть».

Вот так дед его рассказывал:

«Сидим, значит, мы всей ротой как-то в своем окопе да вдруг слышим свист снаряда. Слышим, приближается – по нам бьют. А куда упадет – одному Господу известно, раз уж допустил он такое. Сжались все, в землю пытаются вдавиться, и душа у каждого куда-то глубоко-глубоко в себя ушла: люди-то разные – у кого в пятки, а у кого и еще куда. Снаряд взорвался не далеко, но и не так уж близко, приглушило только немного всех».

Дед, как ротный, сразу же побежал по окопу да ответвлениям его, чтобы потери, если есть, подсчитать, а заодно озорным и крепким словом приободрить солдат. Бежит по окопу, а ему вслед, да и навстречу смех поднимается. Гогочут все как сумасшедшие, аж до слез. Не может дед понять, в чем дело. Тут один молодой еще солдатик, что до баб уж больно был охоч, тычет деду промеж ног и говорит: «Ну и везучий же ты, Василий Осипович!» Опустил дед глаза, да так и охнул, а затем полдня слова вымолвить не мог: мотни-то, мотни, что промеж

ног у солдатских штанов, нету! Как бритвой, осколком снаряда срезало, и на этом самом месте, промеж ног, болтается все его мужское достоинство.

Да!.. «А ведь вас всех могло и вовсе не быть», – любил повторять дед, особенно когда рюмочку-другую за столом пропустит.

Столько прожито всякого: и хорошего, и плохого, – что частенько, после окончания очередного рассказа, долго ходит Тимофей Николаевич по поселку с одной только мыслью: какой следующий рассказ писать? Понимал: не успеть обо всем написать, жизни не хватит. Вслух не говорил, а про себя добавлял: «Оставшейся».

Он попал в кардиологию во второй раз и был в этом плане уже не новичок: пять лет назад, как ушла из жизни мама, последняя из его семьи, так и не смог он прийти после этого в себя, успокоиться, свикнуться, смириться. Через шесть месяцев такой жизни, изведя себя тоской, вызвал «скорую» – острый инфаркт оказался. А после инфаркта как-то сразу легче на сердце стало, вроде как он, этот инфаркт, примирил его с горем: мол, отдана некая дань судьбе, некая часть его жизни. Вот и сейчас дернулась рука к мобильному телефону, что в кармане пижамных брюк, – дернулась и тихо легла на кровать рядом: звонить-то некому. А так хотелось спросить своих: «Мам, как дома, как отец? – и успокоить. – У меня все хорошо, за меня не волнуйтесь».

Два дня он пробыл в реанимации. Сделали исследование коронарных сосудов, нашли узкое место в одном из них и поставили стент, но все равно грудь слева давило и тянуло. Так, сходу, электрокардиограмма не показала никаких отклонений, надо было делать более тщательное обследование. Выписали в общую палату и поставили Холтер, чтобы он, прибор этот, снимал кардиограмму круглые сутки. Ворочаться на кровати приходилось очень осторожно, чтобы не отсоединились электроды, прикрепленные к телу присосками.

Вполоборота, через плечо, опершись на локоть, Тимофей Николаевич глянул в окно: хотелось увидеть травку, деревья, а еще больше хотелось увидеть небо. Но был виден только маленький кусочек серого неба, по которому даже нельзя было определить, какая погода на улице. Вплотную к корпусу располагался еще один корпус этой же больницы – он-то и загромождал весь обзор из окна.

Апрель в этом году скорее напоминал лето, и находиться в больнице, при такой-то погоде ой как не хотелось – хотелось в родной поселок к прорастающей травке, деревьям, кустикам, костру, и, конечно же, Тимофею Николаевичу не хватало того неба, которое он постоянно видит, находясь в поселке. Небо там – это часть его самого, как лучший друг; с ним он общается, на него сердится, когда погода не оправдывает его ожиданий, но в душе всегда любит и относится к нему с нежностью. Иногда, когда все небо закрывают мрачные дождливые облака и налетают сильные порывы ветра, неся с собой целые потоки дождевой воды, он чувствует себя лишь малой травинкой на ветру в этом огромном мире. Обернется, глянет вверх и вокруг и скажет себе: «Какое же счастье, что именно мне, волею судеб, случилось появиться и увидеть этот мир. Цепь случайностей, приведших к моему появлению, невозможно охватить разумом: своим истоком она уходит в начало самой Вселенной, если только это начало существует. А если нет? Все в жизни человека случайно, и лишь смерть закономерна. Так устроена жизнь».

Ночью в поселке перед сном он обязательно выходил на улицу посмотреть еще раз вверх, в ту загадочную бескрайность, подумать о смысле существования и, перед тем как сказать звездам «до свидания», в который раз задумывался: «А что именно я могу сказать этому миру на прощание, когда придет момент расставания?» И каждый раз говорил себе: «Не знаю, у меня еще есть время подумать». И звезды молча соглашались с ним. Успокоенный, возвращался он в дом. Жизнь человека возможна только благодаря ощущению ее бесконечности. Тимофей Николаевич уже прошел тот период своей жизни, когда считаешь, что все еще впереди, но понимал, что именно смерть делает жизнь такой бесконечно дорогой и прекрасной. Да ведь и проживаешь жизнь с чувством бесконечности, а смерть – это всего лишь мгновение.

Он по-прежнему лежал, отвернувшись к стене. Он чувствовал себя неудобно, и все его раздражало: небольшая тумбочка, на которой трудно разместить не то что ноутбук, но даже тетрадь, чтобы продолжать работать – что-нибудь писать, хотя бы заметки; окно, неизвестно для кого сделанное: в него все равно ничего не было видно; сердце, которое опять барахлило; отсутствие сигарет, которые в последний момент оставил в прихожей; два молодых соседа по палате, которые нескончаемо удивлялись, что у них, в их молодом возрасте, – инфаркт. Их тоже перевели из реанимации в общую палату, но они по-прежнему нетерпеливо ждали результата каждого анализа: а вдруг да не подтвердится первоначальный диагноз...

В конце концов, лежать надоело, и он пошел прогуляться по коридору, посмотреть на людей, размять ноги. Да и курить сильно хотелось. В соседней палате нашлись курящие. Вооружившись сигаретой и зажигалкой, он вышел из корпуса на улицу. Охранник долго провожал его взглядом: до самого выхода из корпуса и, наверное, думал: «Безумие – с больным-то сердцем!»

Выкурив сигарету, Тимофей Николаевич сразу же стрельнул вторую и тут же снова закурил – на душе полегчало. «А может, и действительно – безумие?» – подумал он. Стоявший рядом мужчина щуплого телосложения, в спортивном костюме и тоже с сигаретой в руке задал ему обычный в таком месте и при таких обстоятельствах вопрос:

– А бросать пробовали?

И Тимофей Николаевич, как и полагается в этой ситуации, ответил:

– А как же! Много раз!

– И как? – не отставал щуплый.

– Как видите!

Вся курящая компания, что собралась у входа в корпус – а, надо сказать, что было их всего человек восемь – заулыбалась, захихикала, но как-то вымучено: каждый и сам все понимал и переживал, как и все присутствующие, оттого что хотел бы да не мог бросить курить. Кстати, друзья, зная его страсть к сигаретам, обещали принести их этим вечером в часы посещения.

Удивительно, сколько разных советов слышал он за пять лет после первого инфаркта от врачей, и не просто врачей – кардиологов: от «Бросайте срочно» до «Вы же курите, сколько себя помните, – категорически не бросайте: будет только хуже» и вариации: советы меньше курить, перейти на более легкие... «Странно, что у самих врачей нет единого мнения по этому вопросу. Видно, сложен, а, главное, индивидуален человек. Ведь бывает же так, что от одного и того же лекарства у одного перестает болеть голова, в то время как у другого начинается понос».

На обратном пути к своей палате, проходя мимо кабинета с надписью «Заварцев Олег Олегович, заведующий кардиологическим отделением» и посмотрев на часы, Тимофей Николаевич обратил внимание, что сейчас как раз время приема пациентов. Постучав в дверь и немного подождав, он вошел в кабинет. Дым! – как говорится, «топор вешай». Заведующий что-то писал, глубоко сосредоточившись, и если дожидаться ответа на свой стук в дверь, то, наверное, можно простоять в коридоре все приемные часы.

Спустя некоторое время, заметив посетителя, заведующий поправил очки, отодвинул бумаги и спросил, как и все не молодые уже доктора старой закалки:

– Слушаю вас, молодой человек?

– Здравствуйте, Олег Олегович. Подскажите, что чаще всего приводит к инфаркту миокарда? Холестерин?

Тот задумчиво смотрел на посетителя, некоторое время как бы оценивая, насколько глубоко погружаться в эту тему, но, видя, что перед ним человек уже немолодой и банальные прописные истины его вряд ли удовлетворят, начал объяснять:

– К сожалению, нет, уважаемый, нет! Так было лет тридцать тому назад: холестерин, курение, алкоголь, гиподинамия и т. д. – все как в хрестоматии, по которой я еще учился. Но за те годы, что я назвал, все резко изменилось. Давайте посмотрим... ну, вот хотя бы на вашу палату. Номер вашей палаты?

– 624-я.

– Кстати, вас зовут Тимофей Николаевич? – спросил он.

– Да, все правильно, а что?

Олег Олегович привстал из-за стола и, протянув руку, сказал:

– Слышал, слышал, что у нас такой пациент, но, извините, дела, хотел подойти к вам в палату позже к вечеру. Читал ваши рассказы, и многие мне нравятся, хотя некоторые... вот, например... ну об этом еще успеем поговорить, – доброжелательно произнес он.

– Итак, ваша палата, Тимофей Николаевич, – 624-я. И кто же на соседних с вами койках?

– Пока не интересовался.

– Поинтересуйтесь, – посоветовал заведующий и продолжил:

– Два кандидата в мастера спорта, а это не менее двадцати километров пробежки каждый день, плюс полный отказ от курения и алкоголя, сбалансированное питание и тому подобное, и у обоих, заметьте, инфаркт, повторяю – самый что ни на есть инфаркт, да еще и острый. Третий в вашей палате молодой, еще и тридцати пяти лет нет, издерганный, спит только после принятия успокоительного, начальник цеха какого-то завода и вы – писатель, – Олег Олегович сделал паузу, как бы переходя теперь уже к самому главному, и продолжил:

– Вот вы-то, пожалуй, самый объяснимый здесь пациент. Творческая деятельность: постоянное психологическое напряжение – постоянный стресс. Если я правильно понимаю, то, чтобы читатель «поверил» вашему герою, вам надо «вжиться в роль»: прожить события его жизни, пережить его драму, а может быть, и его смерть в своей душе. Вы живете жизнью героя и неделю, и месяц, а иногда и годы, пока пишете свое произведение. Или я не прав?

– Правы.

– Стресс! Вот вам и основная причина современных сердечно-сосудистых заболеваний: спазм сосудов сердца и, как следствие, недостаток крови и кислорода мышце миокарда, – продолжил Олег Олегович. – Повторюсь, за последние тридцать лет состав наших пациентов очень омолодился. Пациенты моложе тридцати лет – давно не редкость. И это объяснимо: пропала целая страна, рухнули судьбы, карьеры, пропали отдельные профессии; все это приносило в семьи неустроенность, неуверенность в завтрашнем дне, а порой и элементарное отсутствие денег на покупку еды и одежды и т. д. и т.п. ... Люди, которым сейчас 25—30, в детстве и в юности пропустили все это через свою нервную систему и... оказались нашими пациентами.

Олег Олегович до того сам увлекся разговором, что не заметил, как закурил уже третью сигарету:

– А посмотрите на современных детей, ведь многие из них уже наши потенциальные пациенты: мозги набекрень с этими многочасовыми общениями в социальных сетях, добавьте ко всему этому компьютерные игры – родителям некогда общаться со своими чадами: купил новый диск с игрой, дал ребенку и занимайся своими делами.

Олег Олегович в очередной раз выпустил клуб табачного дыма, взглянул на стопку бумаг у него на столе и сказал:

– И вся штука-то в том, что мы не умеем справляться со стрессами: они обусловлены в нашем организме генетикой, и мы не можем выбирать, нервничать нам или нет: это свойство нервной системы достается нам по наследству. Кто-то спокойно и равнодушно проходит мимо того, кому сейчас плохо, кто-то – нет. И уж совсем плохо, когда равнодушным оказывается врач! Да-да, не удивляйтесь – такие тоже есть, и немало.

Он снова взглянул на отложенную работу и с извинением сказал:

– А теперь, уважаемый знаток человеческих душ, простите, но мне все-таки надо закончить статью в «Медицинский вестник» – обещал. В следующий раз, когда надумаете зайти ко мне, я проведу вас по женскому отделению: там ситуация еще хуже, чем у мужчин. Женщины гораздо труднее переносят стрессы, плюнуть на все и напиться они не могут: ответственность за семью, детей и прочее. Все, все, все – прощаюсь, – и он с неглубоким поклоном встал из-за стола.

Поблагодарив Олега Олеговича, извинившись за отнятое время и пообещав снова как-нибудь зайти в приемные часы, Тимофей Николаевич вышел из кабинета. Само собой, гуляя по коридору, он стал приглядываться к окружающим. На самом деле, многие пациенты кардиологии были значительно моложе его самого, хотя себя он считал еще не стариком. «Значит, стресс – это предначертание судьбы, и бороться с ним бесполезно, и, значит, раньше или позже все закончится на очередном инфаркте?» От таких мыслей сильно разболелась голова.

Проходя мимо стойки дежурной медсестры, он попросил что-нибудь от головной боли.

– Отстаньте, мне еще к вечеру нужно все лекарства пациентам приготовить, – огрызнулась она.

– Так я и есть пациент, – резонно возразил он. Она даже не ответила.

«Ладно, хамства я в жизни много повидал, стерпим и это, но раз уж пришел сюда лечиться, то именно лечение для меня – самое главное».

Вернувшись в палату, он обнаружил, что там опять шло бурное обсуждение между двумя кандидатами в мастера спорта, о которых говорил Олег Олегович. Собственно, все обсуждение сводилось в основном к удивлению тому, как у человека, занимающегося спортом, пробегающего в день по много километров и которому нет и тридцати лет, может быть какой-то там инфаркт.

Ненавязчиво присоединившись к их разговору, Тимофей Николаевич начал переводить его на личную жизнь. Оказалось, что один из них из последних сил старался удержаться в сборной какой-то области, а второму жена сообщила, что уходит к другому, – она даже в больнице его не навещала – из-за того, что с этими тренировками практически не видит его в семье, а ведь была уже маленькая дочурка; он сильно переживал разрыв их отношений. «Вот тебе и стрессы, – подумал Тимофей Николаевич. – Да что говорить, сам-то я трижды пытался создать семью, и тот же камень преткновения – работа».

Тимофей Николаевич лег на кровать, отвернулся к стене и задремал.

Снилось ему, что стоят они с Олегом Олеговичем, оба в белых халатах, около огромного-огромного сердца; невозможно было даже охватить взглядом его границ; они просто понимали, что это сердце. Причем это было не сердце кого-то конкретно, а Сердце всего Мира.

– Вы видите, – спросил Олег Олегович, – сколько на нем шрамов?

– Жизнь Мира тоже когда-нибудь закончится – и закончится по нашей вине. Это шрамы всех людей, живших и живущих на Земле, – добавил он.

Тимофей Николаевич посмотрел на фигуру заведующего и ужаснулся: тот выглядел растерянным и беспомощным лилипутом на фоне этого огромного Сердца.

– И вы думаете, что удастся победить болезни сердца? – спросил Тимофей Николаевич.

– Нет, – ответил врач, – мы не можем бороться с Добром, а шрамы – это и есть Добро: Зло шрамов не имеет!

Вдруг кто-то совсем рядом застонал – они стали оглядываться по сторонам.

Тимофей Николаевич открыл глаза и обнаружил, что стонет тот самый молодой начальник цеха, матом ругая кого-то во сне. Спустя некоторое время тот затих, но Тимофею Николаевичу больше не спалось, сколько бы он не ворочался с боку на бок. К тому же мешал Холтер – тот самый прибор, который снимает кардиограмму целые сутки. Начальник цеха снова начал стонать. Тимофей Николаевич встал, поправил ему подушку, и тот снова затих. Только под утро Тимофею Николаевичу снова удалось задремать.

И снилось ему море. Он лежал на золотом песке у самой кромки воды, которая, как маленький ребенок, щекотала его тело и, убегая обратно в морскую пучину, все оглядывалась, не бежит ли он за ней следом. Эта игра моря с Тимофеем Николаевичем продолжалась долго, успокаивала его, доставляла ему истинное наслаждение. Он радовался жизни. «Так хорошо жить, – думал он, – просто жить, лежать на песке и смотреть, как ласковое море целуется с нежным небом, там, где-то, на горизонте...»

Сон прервал голос медсестры:

– Вставайте, вставайте, вам же к восьми часам идти Холтер снимать, – сказала сестра, тряся его за плечо, и назвала номер кабинета, куда ему надо было идти.

Спросонья, не умывшись, в тапочках, надетых на ноги наоборот – левый – на правую ногу, правый – на левую – он поплелся по-тихому еще коридору больничного отделения к указанному кабинету. Он вошел в кабинет и поздоровался – ответа не последовало. Врач оказалась милой и добродушной с виду женщиной. Поскольку она никак не представилась, Тимофей Николаевич тоже решил промолчать. Лет ей было пятьдесят или около того. Глаза ее он так и не смог разглядеть: она даже не посмотрела на него – и сразу бросалось в глаза безразличие к пациенту. Она выполняла работу машинально, что-то постоянно тихо говоря, самой себе – рассуждала тихо вслух, нисколько не смущаясь, слышит ли ее кто-нибудь или нет.

Врач сняла с Тимофея Николаевича прибор и указала ему на кушетку. Он лег, и она прикрепила электроды.

– Сделаем контрольную кардиограмму, а я предварительно посмотрю расшифровку прибора, – и она углубилась в разглядывание какого-то экрана, на котором, может быть, был его приговор.

Как и все больные в таком случае, он лежал и с надеждой внимательно смотрел на ее лицо: а вдруг все не так уж и плохо, и она сейчас улыбнется и скажет, что ничего страшного. Но ее лицо оставалось абсолютно непроницаемым – она даже пару раз зевнула – и, не глядя на Тимофея Николаевича, проговорила:

– Так, тут еще и брадикардия: пульс по ночам падает ниже 30 ударов в минуту, – затем минуту помолчала и совершенно спокойным голосом проговорила тихо:

– Все ясно! – и громко добавила:

– Вы умрете во сне. Ну ладно, давайте будем делать кардиограмму.

– Постойте, постойте... Как – кардиограмму? Как – «во сне»? Когда? – медленно, с трудом, почти заикаясь, как в бреду говорил Тимофей Николаевич, снимая с себя электроды, вставая с кушетки и направляясь к двери.

– Больной! – закричала врач. Бросилась за ним и уже в дверях кабинета схватила его за локоть.

– Ложитесь немедленно на кушетку, иначе сегодня же я вас выпишу из больницы за нарушения режима! – визгливо и противно выпалила она... и замолчала, увидев взгляд Тимофея Николаевича, который остановился в дверях кабинета и, смотря сквозь нее, проговорил тихо и уверенно:

– Выписывай... только сегодня же, я пошел собирать свои вещи, – и пошел по коридору к своей, точнее, уже бывшей своей палате.

Врач, очнувшись, выбежала в коридор, что-то кричала, махала руками, но ничего этого он уже не слышал.

Собрав вещи, – их оказалось совсем немного – он сразу же позвонил друзьям, извинился за панику, сказал, что ничего у него не нашли и он сегодня выписывается из больницы, и поэтому навещать его и привозить ничего не надо; сигареты пусть отошлют наложенным платежом на его адрес в поселке.

– Предлагали же тебе, Тимофей, лечиться в хорошую больницу, а ты – «ничего не надо, вызову скорую», – сказал один из его близких друзей. Но он стоял на своем, что ничего у него

не нашли – так, обычный приступ стенокардии, и зря валяться здесь, чтобы пройти все формальные стандартные обследования, он категорически не собирается.

Своей грузной фигурой в палату вошел Олег Олегович, сел на кровать Тимофея Николаевича.

– Что случилось, почему покидаете нас? – спросил заведующий отделением.

Пришлось рассказать все, как было.

– И всего-то?

– Нет! Не «всего-то», – проговорил Тимофей Николаевич. – А если не понятно – объясню. Человек, так Всевышним заведено, уходит из жизни один и только один раз. А перед этим исповедуется, причащается. Ну да ладно, я попам не верю, и для меня Бог – это одно, а попы – это совсем другое: к Богу они никакого отношения не имеют. Я не говорю об отдельном священнике как о человеке, а в целом – о церкви. Но вот попрощаться с кем-то, сказать то, что за всю жизнь так и не собрался человеку сказать, попросить у кого-то прощения и прочее... я обязан перед своим уходом. Так если я уйду во сне, то что прикажете с этим делать – каждый вечер, что ли, все повторять вновь и вновь, ведь вечер-то каждый последним оказаться может? Так каждый вечер мне с миром прощаться прикажете? Как жить-то мне дальше – не представляю!

– Ох уж как у вас, писателей, мозги-то повернуты! – с удивлением сказал Олег Олегович. – Ладно, не держу, но имейте в виду: впереди два выходных дня – вам подумать. Место это за вами будет оставаться до понедельника, до 12—00 – надумаете – возвращайтесь!

Заведующий встал с кровати и направился к двери в коридор и вдруг добавил:

– А насчет этой, так называемого врача-кардиолога, что сказать: ну д-у-р-а, сам знаю, а что с этим поделаешь?

Когда Тимофей Николаевич ехал из больницы в автобусе на станцию, чтобы уехать первой же электричкой в свой поселок, мелькнула мысль: «Вот и шрам моего сердца на том самом общем Сердце прибавился. Наверное, Олег Олегович прав: мы ранимы и беззащитны перед убийственной жестокостью равнодушия – перед Злом».

Тимофей Николаевич порядком измучился за эти несколько дней, а точнее, бессонных ночей, что находился у себя дома в поселке. Он купил пульсометр, чтобы самому убедиться в падении частоты пульса, и каждую ночь, почти до утра, читая какую-нибудь книгу, поглядывал на устройство. Прибор выглядел как наручные часы. И каждый раз эти часы ничего угрожающего не показывали: 55—58 ударов в минуту. Свои наблюдения он проводил скорее от бессонницы, которой мучился с тех пор, как выписался из больницы. Сам-то он понимал, что пульс упадет, именно когда он заснет, – в чем и убеждался каждый последующий день, подключая прибор к компьютеру и видя, как предательски каждую ночь, стоило ему только заснуть, замедляется работа сердца и пульс снижается до 30 ударов в минуту и даже ниже. Рекорд, как он сам грустно шутил, составлял частоту пульса 24.

Да невозможно было знать день, точнее, ночь и час, когда что-то произойдет: сказано же было ему: «...во сне» – и только-то. Поэтому после некоторых размышлений решил, что надо хоть завещание написать: пусть все будет по-человечески, как в мире принято. А заодно и письмо прощальное составить, где бы попросить прощения у того, кого, на его взгляд, обидел по жизни.

Одно останавливало его. Думал он, что, вот как напишет завещание, так и помрет сразу же: то ли слышал он где-то поверье такое, а может, это его самого навязчивая выдумка была.

«А ведь еще и не старый: по мужскому-то делу, – думал он. – То-то и обидно помирать. Но второй острый инфаркт за последние пять лет – шутка ли?»

И рассказы не писались: вжиться в чью-то судьбу при таких обстоятельствах никак не удалось. Перелистал тетрадь для заметок – нет, не исписался, тем и сюжетов еще много задумано.

И все-таки решился оформить завещание. Позвонил в нотариальную контору, записался на завтра. В последний раз – так он решил для себя – подключил на ночь пульсометр, и тот показал все то же самое.

Назавтра Тимофей Николаевич вышел из дома рано, задолго до назначенного ему часа. Сама нотариальная контора находилась всего-то через дорогу, и если идти даже медленным шагом, то потребовалось бы минут двадцать. По улице он шел не торопясь, иногда останавливался покурить. Шел, читая вывески магазинов и прикидывая, в какой бы и для чего зайти на обратном пути. Зашел в магазин «Инструменты», приглядел мангал для шашлыка. В «Шоколаднице» выпил чашечку капучино. В «Мебельном» ему очень понравилось рабочее кресло для письменного стола, но такого стола у него в поселке не было, и все свелось к общению с продавцом. Впрочем, беседовать с продавцами в магазинах он никогда не отказывал себе – его хорошо знали в округе и тоже никогда не отказывали ему в общении, относились к нему с доброжелательностью: знали, что всегда поинтересуется семьей, детьми, здоровьем. В магазине канцтоваров купил себе новую авторучку, запас карандашей и новую записную книжку. В аптеке узнал о новом, относительно недорогом, препарате для мужчин.

Постепенно уличная суета захватила его, и он, выйдя из аптеки, сев на ступеньки, стал разглядывать прохожих. В основном его внимание привлекали женщины. По-летнему легко одетые, что подчеркивало их красивые фигуры или сексуальные формы, – как уж кому удавалось – они откровенно играли на нервах противоположного пола; покритиковал про себя тех, кто обтягивающей одеждой выставлял на всеобщее обозрение свои трясущиеся тела: «Ну, кто так одевается! А ведь женщина должна бы понимать это, ведь в зеркало частенько на себя смотрит, да и мобильники с планшетами сейчас у всех, попросила бы подруг заснять ее сзади, когда она идет...»

Тимофей Николаевич вспомнил о средстве для мужчин, о котором ему только что рассказали в аптеке, достал и пересчитал деньги, что взял с собой, – оставалось или на нотариуса, или на средство, да еще какая-то мелочь. И он направился к нотариусу. Дойдя до нотариальной конторы, решил еще раз покурить – у него было еще минуты три. «Перед смертью...» – пошутил он про себя.

Вдруг он, бросив сигарету, резко повернулся и быстрым шагом пошел в обратную сторону.

Домой он пришел, неся на себе рабочее кресло для письменного стола, имея в кармане новую авторучку, запас простых карандашей, новую записную книжку и...

– новое патентованное средство для мужчин.

«Пусть жизнь – продолжается!» – подумал он.

Горизонты. Шепот души

Горизонт! Чувство необъяснимой грусти и необъяснимой свободы испытывает человек, глядя на него. Кто-то задумывается о будущем, кто-то – о прошлом, но каждого горизонт манит заглянуть чуть-чуть дальше – за него.

Горизонт – как Судьба, её не дано познать человеку, если она – будущее. А если она – прошлое?

Он стоял на берегу океана и с грустной усмешкой теребил свои поседевшие волосы, ласковый ветер помогал ему в этом. «Ну что?» – как бы нашептывал ветер.

Он смотрел в даль океана, и для него не было границ, для него мир не заканчивался горизонтом; он видел за горизонтом следующий горизонт, и следующий. Он видел бесчисленные горизонты, осознавая и впитывая в себя всю бесконечность мироздания. И он растворялся в этой бесконечности, его «я» уже не имело само по себе каких-либо очертаний, границ и завершенности. Он осязал бесконечность и свое сознание, которое было единым со всем вокруг него и внутри него. Он не смог бы, да и не хотел, объяснить единство неба и земли: звезды, отражаясь в воде, весело и беззаботно подпрыгивали на мелкой ряби у его ног и, убегая вдаль, там, у горизонта, начинали свой подъем – все выше, пока не оказывались над ним. Так сливались океан и небо, замыкая жизнь в свою бесконечную сферу. Где-то внутри этой сферы была и его прошлая жизнь, те, кого он любил, и те, кто любил его; где-то там остались вопросы, казавшиеся еще совсем недавно неразрешимыми, эмоции, когда-то захлестывавшие его.

«Почему», – начинал он думать и не мог продолжить фразу, настолько первое слово не имело смысла. Он пытался хитрить, начиная со слов: «а помнишь», «зачем», «как же так», «а если бы», «а может быть». И каждый раз слова и мысли останавливались на этом и дальнейшее не имело никакого значения: все они относились к прошлому, а прошлое растворилось где-то там, далеко-далеко, откуда его нет смысла оценивать. Прошлое не имело альтернативы: хорошее оно или плохое, удачное, или приносящее только разочарование, состоявшееся или нет, заставляющее вспоминать с усмешкой или с горечью – все это отошло на бесконечно далекий план... Вокруг него была только бесконечная череда горизонтов и бесконечная глубина звездного неба.

Он бы мог поклонить колена, попросить прощения, но не придумал перед кем, и у кого. Он бы мог простить, но не знал, кого и за что. Его прошлая жизнь была плодом только его мировоззрения.

С удивлением он обнаружил, что если оглянуться в прошлое, то там тоже бесконечная череда горизонтов. Горизонт за горизонтом, слой за слоем, срез жизни за срезом. И если горизонты будущего не ограничивались конечностью жизни, то горизонты прошлого не ограничивались ни событиями, ни датами, ни даже днем, когда он впервые увидел этот Мир. Сама Жизнь – суть бесконечность. Мечтая или вспоминая, он всегда ощущал Жизнь именно так.

Он стоял на берегу океана. Где сейчас все те, кто встречался ему на пути к этому берегу? Удалось ли им достичь своих берегов: океана ли, озера, или пусть маленькой, но веселой речушки, убегающей к далекому-далекому морю? Он с благодарностью судьбе вспоминал всех, чьи дороги и тропинки пересеклись с ним, преодолевающим дорогу к своему берегу. Ведь это были дороги, где ветер всегда в лицо, где если перевал, то обязательно в ураганный ветер и дождь, где река «вздувается» именно там и тогда, где и когда её надо переходить вброд. Другие дороги он и не признавал.

Он стоял на берегу океана, и его захватило чувство свободы. Он был СВОБОДЕН. Свободен – наконец-то! Он раздал все долги, выполнил все обязательства. Он не смог только «долю-

бить», его душа могла вместить всю бесконечность взаимоотношений. Он навсегда возьмет чувство любви с собой в будущее.

Он стоял на берегу океана с чувством бесконечного будущего. Оно окружало его и было в нем самом. Будущее! Где не было анализа и синтеза, где мир познавался весь в целом, и его не надо было для понимания раскладывать на части и затем снова складывать в Единое. Для него Мир был Един.

Он стоял на берегу океана и с грустной усмешкой теребил свои поседевшие волосы...

Последняя капля крови

Жил я тогда в лесном поселке, в двух-трех часах ходьбы до райцентра. Пришел из армии со специальностью слесарь и механик. Женился. Пока детей не было, вроде и денег хватало. Был у нас в поселке всего один трактор, так ведь на одном много не заработаешь: зимой трактор простаивал, пока снег на поселковые дороги не выпадет, а в посевную и уборочную все одно его в помощь райцентр просил.

Как двое детей родились, вопрос с заработками встал очень серьезно.

Устроился я тогда слесарем на станции по ремонту и обслуживанию сельхозтехники в райцентре: ближе к нашему поселку работы не нашлось, а специалисты всем нужны. Километров пятнадцать надо было добираться до райцентра. Автобус туда ходил два раза в день, и то теоретически: то дорогу развезет дождями, то снегом засыплет, а чаще всего запчастей не было, вот и простаивал он больше чем ездил. Уж как ни уговаривал меня директор нашего хозяйства, чтобы не увольнялся, даже усостыжить пытался: мол, своих бросаешь. А что бросать-то: кормить-то семью надо было. Вот я и шутил:

– Давай, Петр Сергеевич, зарплатами поменяемся – останусь, не поеду в райцентр, а так... извини.

Приняли меня на станции обслуживания техники хорошо. Поначалу тяжеловато было бегать утром туда, вечером обратно, но освоился, даже курить бросил. Вот только жена жаловалась (понять ее можно), что соляркой весь насквозь пропах, ввек не отмоешь.

К чему это я все рассказываю? А вот к чему.

Любил я пройтись по лесу утром и вечером – лес любил, тишину, щебет птиц, живность разную. Особенно любил я зимний лес. Идешь, смотришь вокруг – и не налюбуйешься: каждая птичка, не говоря уже о белке или зайце, в радость.

Как-то зимой иду я на своих широких охотничьих лыжах домой через лес, иду медленно, лесом люблюсь.

Заканчивали мы работать в три часа вечера, поскольку начинали, ни свет ни заря: в шесть часов утра.

Солнце уж к закату клонится – в четыре часа совсем темно станет, так что зачем бежать – минут двадцать у меня еще было, чтобы порадоваться красотой вокруг да тишину послушать. Да, именно послушать: тишину слушать надо, вот тогда она в самую душу-то и проникает, что тебе орган, захватывает всего до дрожи в теле, до мыслей высоких доходишь.

Любуюсь я зимним лесом и розовеющим небом. Деревья в снегу стоят, как пирамиды; у елок нижние ветки от снега до земли наклонились; кусты совсем в сугробы превратились, и в тишине то там, то тут как ухнет снег с верхних веток вниз в полной тишине, как хлопнет о землю, так что дух захватывает и сердце замирает.

Гляжу, а снег-то вдруг вспыхнул и заискрился. Как в серебре весь стою. Вижу, первая звезда появилась на небе.

«Так солнце совсем уж за горизонт село, только и краснеет небо закатом да снег подсвечивает. Ночь же скоро, а я посреди леса», – подумал я. Только бежать дальше собрался, а глянь, на просеке стою. По просеке еще километров пять-семь до моего поселка. На короткую тропу поворачивать надо, да век мне искать ее в темноте, да и снежок сегодня падал, хоть и небольшой, а лыжню-то мою утреннюю прикрыл.

Стою, думаю, а другого пути, как по просеке идти, нет. А тут слышу волчий вой, да так быстро приближается, что припустился я по просеке на своих охотничьих лыжах, что духу было. Просека широкая, уйти бы с нее куда-нибудь в лес темный, да зверь – он в темноте, как я днем, все видит.

Слышу вой, уже с обеих сторон обходит, значит, скоро догонят.

«Прощай, матушка-жизнь! Эх, и пожил мало: всего-то тридцать шесть лет! А дети жена?»

И тут я рванулся на лыжах широким шагом что сил было, а снег-то сверху лежит рыхлый, свежий. Правая лыжа сразу в снег и воткнулась под твердый наст. Всем телом я рванулся вперед – лыжа и сломалась в тот же миг, словно щепка.

«Никакого спасения нет!» – думаю.

Что-то зашевелилось у соседнего дерева – лось! И ко мне все ближе и ближе жметя: защити мол. А как тут защитишь, самому бы живым остаться. Я его палкой в бок колю, отогнать пытаюсь, а он уже задом в то же дерево уперся, что и я.

«Ну что ж, – думаю, – не одному хоть сгинуть придется. Хотя какое это утешение? Жизнь – она одна у всех, хоть ты вдесятером вместе соберись».

А волки все ближе воют вот, уж и кругами вокруг нас пошли: силуэты-то я вижу.

«Все теперь уже скоро!» – решил я и выставил обе лыжные палки остриями вперед.

Стихло: волки по-прежнему ходили кругами, но молча.

Вдруг один из них изловчился и вцепился лосю прямо сзади, между ног; лось взвыл, присел на задние ноги и рванулся вперед от дерева, таща за собой и волка. Тут вся волчья стая, противно ликуя и гадко взвизгивая, набросилась на жертву. Тот волчища (здоровый был: видать, вожак стаи), что вцепился первый и уже находился между мной и лосем, вдруг обернулся ко мне – морда у него была вся в крови – посмотрел на меня глаза, сверкнули – и я сразу же понял молчаливую команду: «Стоять!» Какой там? Я уже ни ногой, ни рукой пошевелить не могу: остолбенел.

Взошла луна, но то, что я видел после этого, я описать не могу, да и не хочу: звук перегрызаемой глотки, рвущейся кожи, звук отрываемых кусков мяса и запах – приторный запах крови, но при всем при этом я почему-то не зажмурил глаза, наоборот, смотрел на все широко открытыми глазами. А тут еще и луна взошла.

Когда от лося остались одни кости, стая, облизывая морды, расселась на задние лапы вокруг останков лося и, не стовариваясь, вдруг гадко, жалобно и страшно завывла на луну – все пасти были направлены именно на нее.

Старший опять оглянулся, снова злобным и сверкающим взглядом посмотрел на меня, покрутил мордой, принялся и побежал прочь; вся стая цепочкой устремила за ним.

Только к утру со сломанной лыжей, лыжными палками и хромя оттого, что одна нога проваливалась в снег, добрал я до дома. Жена выслушала все, молча думая что-то про себя, дети спали. Передела меня, понюхала одежду и приглушенно сказала:

– Может, спасся ты потому, что весь соляжкой пропах насквозь? И вытерла на моей щеке одну единственную каплю крови – все, что осталось от лося...

Край ты мой любимый

Дед Савелий был единственным коренным, а теперь уже и последним постоянным жителем деревеньки, затерявшейся в Вологодских лесах; он по праву считал себя здешним старожилом: родился здесь, да так и прожил в этой деревне всю жизнь. Давно опустела родная деревня, но благодаря Савелию – не умерла. Любил он эти места, где каждый кустик, каждый бугорок, каждая тропка были ему родными. Он любил и эту тишину, и это спокойствие в душе, воспринимал их как награду за честно, хотя, может, и не так, как надо бы, прожитую жизнь: добра-то не нажил, так и остался бедняком. Чисто русская душа – чем богаты, тем и рады.

Жена умерла давно, а детей Бог не дал: четверо их должно было быть, да еще в детстве ни выжил не один. Родни у деда не было, как и у жены-покойницы: так и поженились. Сейчас это обычное дело, никого не удивишь: поженились, голь перекатная, так и живите в нищете, а тогда, вспоминал дед, время другое было, да и люди другие были. Поставили молодой семье избу всей деревней, нанесли кто курицу, кто гуся, кто поросенка – вот и хозяйство новое возникло, и все с радостью да прибаутками. «Хотя люди не были другими, такие же были, вот только оуклились как-то они сейчас: о себе только и думают и равнодушными стали к чужим бедам – свои проблемы по жизни до крайности прижали людей», – рассуждал Савелий и оттого обиды ни на кого не держал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.